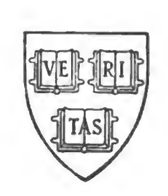
ГОСПОДИН ПЕТР СТРУВЕ В ПОЛИТИКѢ

Leon Trotsky

VE
RI
TAS

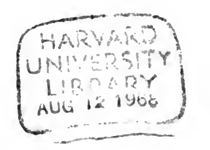

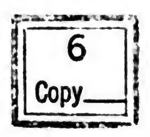

Л. Тахоцкій.

Господинъ Петръ Струве въ политикѣ.

Книгоиздательство
„НОВЫЙ МІРЪ".

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
AUG 12 1968

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская ул., 31.
1906.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Этотъ памфлетъ направленъ противъ *лица*; но это ни въ коемъ случаѣ не *личный* памфлетъ.

Мы взяли г. Петра Струве, какъ олицетворенную безпринципность въ политикѣ. Если-бъ мы стали искать для нашей цѣли другой фигуры, мы бы нашли ихъ много,—но болѣе законченной, болѣе стильной, болѣе принципіально-выдержанной безпринципности мы бы не нашли.

Политическая психологія г. Струве—какъ она вырисовывается изъ его литературной дѣятельности—какъ бы персонифицируетъ безпринципность той политической идеи, которой онъ служитъ, и такимъ образомъ возводитъ эту послѣднюю въ перлъ созданія.

Теоретическое міросозерцаніе г. Струве всегда находится въ процессѣ непрерывнаго линянія, такъ что нерѣдко начало статьи и конецъ ея относятся уже къ двумъ философскимъ формаціямъ.

Г. Струве совершенно лишенъ *физической силы мысли*, которая, даже при недостаткѣ нравственной силы, гонитъ политическаго дѣятеля по опредѣленному пути.

Съ другой стороны, г. Струве не обладаетъ и той нравственной упругостью, которая придаетъ устойчивость общественной дѣятельности лица, наперекоръ шатаніямъ его мысли, гибкой, но неувѣренной.

При такихъ данныхъ г. Струве избралъ своей сферой политику.

Сперва онъ вошелъ въ соціалдемократію. Но здѣсь все: верховенство одного и того же принципа классовой борьбы надъ теоріей и практикой, рѣзкая постановка политическихъ вопросовъ, контроль международной соціалистической мысли,— рѣшительно все было для него невозможнымъ и дѣлало его невозможнымъ. Отсюда онъ ходомъ вещей оказался извергнутъ.

Онъ ушелъ въ либерализмъ. Исторически-выморочный характеръ русскаго либерализма, его безпредметная тоска по теоретическому обоснованію, его безпредметная тоска по поступкамъ, его неспособность на иниціативу, его отчужденность отъ рабочихъ массъ, его трусливое стремленіе овладѣть ими и его стремительная трусость передъ ними,—все это создавало настоящую атмосферу для расцвѣта политической личности г. Струве.

Но онъ бы не былъ самимъ собою, если-бъ въ его политическихъ передвиженіяхъ можно было указать моментъ мужественной ликвидаціи прошлаго. Г. Струве всегда *примиряетъ* что-нибудь съ чѣмъ-нибудь: марксизмъ— съ мальтузіанствомъ и критической философіей, соціализмъ—съ либерализмомъ, либерализмъ—съ самодержавіемъ, либерализмъ—съ соціализмомъ, либерализмъ—съ революціей и, наконецъ, революцію— съ монархіей. Аргументація его при этомъ всегда такова, что онъ самъ забываетъ ее черезъ два дня.

Житейская мудрость говоритъ, что лжецъ долженъ обладать хорошей памятью, чтобы не попадаться въ противорѣ-

ціяхъ. Въ еще большей мѣрѣ это относится къ безпринципному политику. Если прочитать подрядъ то, что г. Струве говоритъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, даже нѣсколькихъ недѣль, можно подумать, что онъ издѣвается надъ читателями. А между тѣмъ это только его безпринципность издѣвается надъ нимъ самимъ.

Моментъ, когда пишутся эти строки—отливъ революціи и торжество реакціи—создаетъ благопріятную политическую акустику для либеральныхъ Кассандръ. Мы не сомнѣваемся, что событія безпощадно раздавятъ эти голоса, какъ это ужъ было не разъ,—и тѣ группы демократической интеллигенціи, которыя какъ будто прислушиваются къ нимъ сегодня, завтра просто забудутъ ихъ, не утруждая себя надъ ихъ опроверженіемъ. Это основное психологическое свойство широкихъ круговъ интеллигенціи, лишенной объективной соціальной связанности, общаго теоретическаго критерія и... хорошей политической памяти: ея надежды качаются на волнахъ событій. Во время прилива «крайнія» партіи являются органомъ ея помысловъ, во время отлива либеральные скептики формулируютъ ея разочарованіе. Сейчасъ она переживаетъ періодъ увяданія.

Вѣрные нашему общему міросозерцанію, мы гораздо больше надѣемся на дальнѣйшую критическую логику событій, чѣмъ на логическую критику нашего памфлета. Мы хотимъ лишь оказать этой надвигающейся объективной критикѣ посильное содѣйствіе въ дѣлѣ закрѣпленія ея уроковъ.

Условія, при которыхъ мы писали нашу работу, не позволяли намъ располагать необходимымъ матеріаломъ: реставрацію недавняго прошлаго приходилось воспроизводить по памяти. Это могло имѣть только одно послѣдствіе: мы упустили цѣлый рядъ эпизодовъ, которые помогли бы намъ несравненно ярче и детальнѣе охарактеризировать несравнен-

ную фигуру бывшаго редактора «Освобожденія», нынѣ редактора «Полярной Звѣзды», одного изъ лидеровъ конституціонно-демократической партіи, совѣтника министровъ, друга монархіи,—*господина Петра Струве въ политикѣ*.

I. На разъ избранномъ пути.

«Твердо держаться *разъ избраннаго* пути невозможно безъ незыблемыхъ началъ нравственнаго и политическаго міросозерцанія. Въ борьбѣ за нашу духовную самобытность и въ борьбѣ за политическое освобожденіе родины мы выработали себѣ такія начала». («Пол. Звѣзда», № 1, отъ редакціи).

... И кожа та сидитъ на немъ такъ славно,
Какъ башмаки Алкида на ослѣ...

Слава тому, кто въ вихрѣ политическихъ событій мужественно держится *разъ избраннаго* пути!..

Г. Струве получилъ литературное имя, какъ писатель, одинъ изъ первыхъ вступившій съ марксистскимъ багажомъ на ледъ русской цензуры. Это была несомнѣнная заслуга. Теоретическая цѣнность его книжки («Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи») насъ здѣсь не занимаетъ. Отмѣтимъ только, что это — эклектическое соединеніе «критической» философіи, вульгаризованнаго марксизма и подправленнаго марксизмомъ мальтузіанства. Общественное значеніе книжки опредѣлилось исключительно идеями марксизма, которыя г. Струве отчасти перевелъ съ нѣмецкаго языка, отчасти перенесъ изъ «нелегальныхъ» произведеній группы «Освобожденіе Труда» въ легальную литературу. Въ „Новомъ Словѣ", журналѣ 1897 г., г. Струве дѣлаетъ рѣшительный шагъ влѣво и пишетъ публи-

цистическія статьи въ марксистскомъ тонѣ, насколько это допускали условія тогдашней цензуры. Въ подпольѣ въ это время идетъ дѣятельная кружковая пропаганда среди рабочихъ. Открывается эпопея экономическихъ стачекъ. Въ мартѣ 98 г. происходитъ первый съѣздъ соціалдемократическихъ организацій, который провозглашаетъ единство партіи и издаетъ революціонный манифестъ. Въ этомъ документѣ соціалдемократія устанавливаетъ свое духовное родство и политическую преемственность съ революціоннымъ движеніемъ 70-хъ годовъ, констатируетъ политическое ничтожество русской буржуазіи и русскаго либерализма, какъ выраженія ея исторически-запоздалыхъ интересовъ, выдвигаетъ на этомъ фонѣ освободительную миссію пролетаріата и провозглашаетъ его конечной цѣлью завоеваніе государственной власти въ цѣляхъ экспропріаціи экспропріаторовъ и организаціи соціалистическаго хозяйства.

Этотъ рѣшительно-революціонный („ортодоксальный") мажанифестъ соціалдемократической партіи былъ написанъ не кѣмъ другимъ, какъ г. Петромъ Струве. Октябрьская стачка 1905 г. смыла съ него это преступленіе, и нашимъ сообщеніемъ мы ему не повредимъ въ глазахъ властей. Что же касается его либеральной карьеры, то этотъ фактъ можетъ только придать ей блеску...

Такимъ образомъ отъ „Критическихъ Замѣтокъ" черезъ „Новое Слово" къ „Манифесту" г. Струве непрерывно шелъ по „разъ избранному пути". Увы, этотъ первый періодъ осложненъ, однако, однимъ поразительнымъ обстоятельствомъ почти провиденціальнаго характера. Въ 94 году, готовясь выпустить „Критическія замѣтки", въ которыхъ онъ рѣшительно высказывался вмѣстѣ съ Энгельсомъ за соціалистическій „прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы",

въ это самое время г. Струве выступилъ въ политикѣ, какъ авторъ „Открытаго письма Николаю II“.

Солидаризируясь съ тѣми земскими ходатайствами 94 г., которыя перешли въ исторію подъ названіемъ „безсмысленныхъ мечтаній“, г. Струве заявлялъ: мы просили немногаго, вы отказали; вы хотите войны—будетъ война. Такимъ образомъ, это былъ своего рода манифестъ земцевъ, становящихся на путь политической оппозиціи.

Г. Струве былъ тогда еще совсѣмъ молодымъ писателемъ. Но онъ подавалъ уже большія надежды. Въ 1894 г. онъ вступалъ въ діалогъ съ монархомъ отъ имени разочаровавшихся земцевъ, въ 1898 г. онъ отъ имени соціалистическаго пролетаріата клеймилъ ничтожество русскаго либерализма.

Этотъ крутой подъемъ на „разъ избранномъ пути“ утомилъ г. Струве. Для него начинается (?) эпоха сомнѣній, колебаній, критики. Въ сферѣ критики марксизма, какъ раньше въ сферѣ его популяризаціи, какъ позже въ сферѣ идеалистической философіи, г. Струве не далъ ни одной широкой самостоятельной мысли. Врядъ ли есть сейчасъ въ Россіи десятокъ образованныхъ людей, которые могли бы изложить критическія идеи г. Струве въ области соціологіи и политической экономіи. Все это безслѣдно забыто. Но мы занимаемся здѣсь не оцѣнкой научныхъ опытовъ г. Струве,— насъ интересуетъ физіономія политика. Поэтому достаточно будетъ сказать, что посредствомъ критики марксизма г. Струве во всякомъ случаѣ благополучно ликвидировалъ свою связь съ рабочимъ движеніемъ, которому онъ—худо ли, хорошо ли—началъ было служить, и помогъ ликвидировать эту связь значительной группѣ интеллигенціи

Соціалдемократія такъ и поняла критическую эволюцію Струве. Въ 1900 г. одинъ изъ писателей-марксистовъ, остановившись на послѣдней фазѣ развитія Струве, сказалъ

ему словами шиллеровскаго Фіеско: Der Mohr hat seine Arbeit gethan, der Mohr kann gehen („Мавръ выполнилъ свою работу,—мавръ можетъ уходить“).—Не торопитесь давать мнѣ увольнительный билетъ! Подождите,—и вы увидите, что, несмотря на мои теоретическія отклоненія отъ васъ, я буду дѣлать съ вами одно и то же дѣло!—Таковъ былъ смыслъ отвѣта г. Струве.

И, дѣйствительно, послѣ этого обѣщанія г. Струве сотрудничалъ во вновь отрытой тогда (въ декабрѣ 1900 г.) зарубежной соціалдемократической газетѣ „Искра“, — кажется, только въ двухъ номерахъ: но это, конечно, ничего не мѣняетъ. Въ одной изъ своихъ статей г. Струве призывалъ земцевъ къ активности, прибавляя: „а ужъ за *нами* (т. е. соціалдемократіей) дѣло на станетъ“... (цитируемъ на память).

Однако, уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого г. Струве, эмигрировавшій въ Германію, приступилъ къ изданію „Освобожденія“ и, по собственному опредѣленію, сдѣлался „регистраторомъ“ земской мысли. Въ первомъ выпускѣ своего журнала—у насъ нѣтъ его, къ сожалѣнію, подъ руками—этотъ земскій регистраторъ-рецидивистъ (вспомните 94 годъ!) подписался подъ программой „русскихъ конституціоналистовъ“, которая откровенно отклоняетъ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, какъ „скачокъ въ неизвѣстное“, и высказывается за созывъ представителей отъ нынѣшнихъ сословно - владѣльческихъ земствъ и думъ. Съ этого славнаго дѣла начался новый фазисъ въ шествованіи г. Петра Струве по „разъ избранному пути“.—Кстати, спросимъ мы, кто они, эти „русскіе конституціоналисты“, авторы программы? Теперь ничто, кромѣ стыда за свой вчерашній день, не мѣшаетъ имъ выступить открыто, чтобы по праву раздѣлить съ г. Струве честь или безчестіе этого

программнаго выступленія освобожденцевъ. Ваши имена, господа! Вы такъ рѣшительно отрицаете, что передовой пролетаріатъ *навязалъ* вамъ своимъ давленіемъ „скачокъ" въ область всеобщаго избирательнаго права, вы такъ гордо заявляете себя суровыми и непреклонными Аннибалами демократіи отъ вашихъ молодыхъ ногтей... Ваши имена, господа!

Но г. Струве не считаетъ для себя обязательной *въ качествѣ minimum'а* даже и той программы, подъ которой онъ подписался въ первомъ № „Освобожденія". Это все же была *конституціонная* программа, хотя бы и на сословно-плутократической основѣ, и въ силу этой своей конституціонности она скоро оказывается стѣснительной для вчерашняго соціалиста.

Г. Струве въ первыхъ же номерахъ „Освобожденія" съ особенной настойчивостью выдвигаетъ лозунгъ Земскаго Собора и подчеркиваетъ, что этотъ „цѣнный своей *не*опредѣленностью" лозунгъ можетъ объединить славянофиловъ, сторонниковъ неприкосновенности абсолютизма съ цензовыми конституціоналистами.

Такимъ образомъ, г. Струве какъ бы вернулся къ станціи отправленія. Въ 94 г. онъ писалъ земское „письмо" и марксистскую книгу. Въ 98 г. онъ писалъ соціалдемократическій манифестъ. Въ 1901—2 гг. онъ въ „Искрѣ" взывалъ къ земцамъ отъ „нашего", т. е. соціалдемократическаго имени, а въ „Освобожденіи" обращался къ „націи" отъ имени либеральныхъ и славянофильскихъ земцевъ...

Мы бы затруднились хронологически изобразить на память ту линію капризныхъ зигзаговъ, которую г. Струве начерталъ, какъ регистраторъ либеральныхъ мечтаній, шатаній и надеждъ. Возстановимъ лишь нѣкоторые выдающіеся моменты.

Г. Струве пытался было сыграть роль земскаго Гапона (*до* Гапона). Онъ началъ повторять, что нужно „довести правду до царя".—Еще никогда,—говорилъ онъ вдохновенно, этого въ сущности не дѣлали... Если правда будетъ доведена, тогда... тогда... „Даже Павелъ I ужаснулся бы",—увѣрялъ г. Струве. А нѣсколько позже онъ отзывался о намѣреніи „доводить правду", какъ о чьемъ-то постороннемъ и „наивномъ" планѣ. Проѣхалъ ли черезъ Штутгартъ вліятельный конституціоналистъ послѣ славянофила, или что другое было причиной, рѣшать не беремся. 6-го іюня 1905 г. этотъ планъ былъ въ сущности выполненъ... Г-ну Струве онъ тогда, конечно, ужъ не показался наивнымъ.

Струве спекулировалъ одно время на вѣдомственную борьбу Плеве съ Витте и тонко давалъ понять Витте, какую роль онъ могъ бы сыграть, если-бы... если-бы онъ захотѣлъ проникнуться „государственнымъ разумомъ". А черезъ нѣсколько недѣль, какъ будто самъ онъ никогда и не питалъ этихъ мечтаній, г. Струве заявилъ: Кто же можетъ надѣяться на распри Сергѣй Юльевича съ Вячеславъ Константиновичемъ? Свои люди—сочтутся... Замѣтимъ тутъ же, что эту удивительную способность презрительно пожимать плечами по поводу собственныхъ вчерашнихъ сужденій, эту удивительную безмятежность памяти или эту способность разсчитывать на безмятежную память читателя г. Струве сохранилъ въ неприкосновенности до настоящаго дня. Послѣ скверной исторіи съ сельско-хозяйственными комитетами г. Струве объявилъ предсѣдателя Особаго Совѣщанія, г. Витте, *провокаторомъ*. А когда либеральная звѣзда г. Витте высоко поднялась, г. Струве вступилъ съ нимъ въ закулисные переговоры. Онъ „открыто" заявилъ объ этомъ, когда „Начало" прижало его къ стѣнѣ, но онъ забылъ сказать, отъ чьего имени и на какихъ началахъ велъ онъ конспиративные пе-

реговоры съ лицомъ, затѣвавшимъ новую, болѣе колоссальную провокацію...

Подталкиваемый первыми волнами великаго прибоя, отражавшимися на немъ черезъ его сотрудниковъ изъ Россіи, г. Струве началъ отъ „цѣннаго своей неопредѣленностью“ лозунга Земскаго Собора все больше и больше передвигаться къ Учредительному Собранію и всеобщему избирательному праву. Но онъ дѣлалъ это съ такимъ разсчетомъ и осторожностью, чтобы отнюдь не бить земской посуды.

Къ началу 1904 года г. Струве уже готовъ былъ блистать непреклонностью демократизма. Какъ вдругъ ударила война! Ничтожный подъемъ шовинизма испугалъ либераловъ, и они со страху начали опустошать земскія и думскія кассы въ цѣляхъ своего патріотическаго самоопредѣленія;—г. Струве сдѣлалъ рѣшительный поворотъ: не должно забывать, что онъ былъ только земскимъ титулярнымъ регистраторомъ. Онъ сурово заявилъ: „Армія исполнитъ свой долгъ“. Студентамъ онъ предложилъ кричать не только «да здравствуетъ свобода!», но также: «да здравствуетъ Россія!» (*какая?*) и «да здравствуетъ армія!» (*какая?*). Обычный боевой кличъ онъ предложилъ замѣнить возгласомъ «долой Плеве!». Этого будетъ достаточно, увѣрялъ онъ.—Напомнимъ кстати: тогда же другой воитель демократіи, И. И. Петрункевичъ, писалъ въ «Правѣ», что до возстановленія нашей національной чести о прекращеніи войны не можетъ быть и рѣчи... Мы ничего не забываемъ, господа! И этому искусству: *не забывать прошлаго, чтобы не обманываться въ будущемъ*, мы учимъ народныя массы. Ибо, поистинѣ,

Тотъ, кто вѣритъ вамъ
И дружбѣ вашей—плаваетъ въ водѣ
Съ свинцомъ на шеѣ!

Но студенты не переняли тріединаго лозунга, война тянулась безъ конца, отъ „патріотизма“ не осталось и слѣда, пораженіе шло за пораженіемъ, національная честь не возстановлялась, земщина безмолствовала, какъ утопленникъ,— и вотъ г. Струве, этотъ проницательный и умѣренный политикъ, который собирался „доводить правду“, который правую руку протягивалъ гг. Шипову и М. Стаховичу (NB—для насъ такъ и неясно, что сдѣлалъ съ рукой Струве г. Шиповъ; что касается Стаховича, то онъ обвинилъ кн. Мещерскаго въ *клевети* за выраженное имъ соображеніе, что Стаховичъ сотрудничаетъ въ „Освобожденіи“), этотъ, говоримъ, проницательный политикъ сталъ искать употребленіе для своей *лѣвой* руки. Осенью 1904 г. Струве отправился изъ Штутгарта въ Парижъ и протянулъ эту свободную руку финляндской партіи „активнаго сопротивленія“, польской соціалистической партіи, на знамени которой значится независимость Польши, и партіи соціалистовъ-революціонеровъ, которая какъ разъ въ это время отказывалась отъ буржуазной революціи и требовала революціи почти-соціалистической. Г. Струве вступилъ съ ними въ коалицію. Вы понимаете это? Это былъ героизмъ отчаянія. Казалось, г. Струве сжегъ за собой всѣ земскіе мосты.—На это парижское лобызаніе оппозиціи и революціи была приглашена и соціалдемократія. Но она осталась дома. Надѣемся, теперь всѣ лобызавшіяся стороны признаютъ, что она поступила разумно.

Казалось, повторяемъ, г. Струве уничтожилъ за собой всѣ земскіе мосты. Но это ошибка. Вспомнимъ, что „*незыблемыя* основы политическаго міросозерцанія“ всегда охраняли для него мосты отступленія на „разъ избранномъ пути“.

6—9 ноября 1904 г. состоялся историческій московскій съѣздъ, отъ котораго всѣ Кузьмины-Караваевы ведутъ лѣтосчисленіе,—и г. Струве рѣшительно отдалъ обѣ руки зем-

цамъ, безцеремонно выдернувъ лѣвую у новыхъ союзниковъ и даже не извинившись передъ ними. О коалиціонномъ лобызаніи забыли, какъ будто его и не было.

Отнынѣ г. Струве какъ бы снова укрѣпился въ томъ убѣжденіи, что „революціоннаго народа въ Россіи нѣтъ" и что рѣшающее слово принадлежитъ поэтому земцамъ. Правда, въ 98 г. Струве отказывалъ русскому либерализму въ будущности. Правда, въ 1901 г. онъ гордо говорилъ земцамъ, что за «нами» дѣло не станетъ. Правда, въ маѣ 1904 г., т. е. всего за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, г. Струве заключалъ для чего-то соглашеніе съ революціонными организаціями,—но въ ноябрѣ уже все было забыто, а 7 января 1905 г. Струве писалъ: *«Революціоннаго народа въ Россіи нѣтъ»*, —особенно же его нѣтъ... въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

7 января 1905 г.! Моментъ былъ выбранъ необыкновенно удачно! Редактору «Освобожденія» пришлось въ № отъ 7 января вкладывать воззваніе о пожертвованіяхъ въ пользу жертвъ *9-го января.* У г. Струве все-таки хватило мужества или... безмятежности распространять этотъ номеръ.

Послѣ кроваваго воскресенья земцы были отброшены, съ рабочими интеллигенція восторженно носилась („какая прелесть—эти рабочіе!" писали г. Струве изъ столицы), требованія рабочей петиціи оттерли на задній планъ ноябрьскіе „пункты" земцевъ. Г. Струве ни мало, повидимому, не поразился, что между 7 и 9 января народился въ Россіи революціонный народъ, и въ своей оцѣнкѣ петербургскихъ событій далъ косвеннымъ образомъ понять, что въ его душѣ воскресъ республиканецъ. „Съ этимъ царемъ мы больше не разговариваемъ!" писалъ онъ тогда. Ахъ, зачѣмъ онъ это писалъ... Черезъ 11 мѣсяцевъ, 6 декабря, онъ обвинялъ Витте въ томъ, что графъ сталъ между общественными дѣятелями и Царскимъ Селомъ: все рушилось оттого, что имъ

приходилось разговаривать съ министромъ, а не съ самимъ монархомъ. („Пол. Звѣзда“, № 1, стр. 9).

Съ 9-го января началась очевидно для всѣхъ русская революція. Отношеніе г. Струве къ революціи должно быть разсмотрѣно болѣе обстоятельно.

Еще до январскихъ событій, съ начала банкетной полосы, рабочіе появлялись изъ своего соціальнаго подполья на собраніяхъ различныхъ либеральныхъ „обществъ“, въ думахъ, на земскихъ засѣданіяхъ и пытались вступать въ діалогъ съ земскими либералами и освобожденцами. Рабочіе нарушали этимъ уставы обществъ и собраній, безпомощные и боязливые либеральные предсѣдатели обыкновенно закрывали собранія, которыя иногда превращались въ митинги, иногда расходились. Г. Струве рѣшительно выступилъ противъ этой „дезорганизаторской“ тактики. Если-бъ это была революція, писалъ онъ, другое дѣло, — передъ революціей мы бы преклонились. Но это не революція. Это простое срываніе собраній.

Безпорядочныя появленія на либеральной территоріи передовыхъ отрядовъ пролетаріата вносили, конечно, дезорганизацію въ распорядокъ либеральныхъ разговоровъ. Но изъ этой „дезорганизаціи“, въ значительной мѣрѣ, выростало то настроеніе, которое создало 9-е января. Г. Струве „принялъ“ 9-е января,—и, разумѣется, не вспомнилъ, какъ старательно онъ подрывалъ, по мѣрѣ силъ, политическіе корни этого событія.

Когда началась полоса хаотическихъ стачекъ, охватывавшихъ профессіи, города, порты, желѣзныя дороги, области, г. Струве, какъ проницательный политикъ возсталъ противъ этой *дезорганизаціи* національнаго хозяйства: въ безплодности этихъ стачекъ для него не было сомнѣнія.

Разразилась всеобщая стачка въ октябрѣ, которая заста-

вила реакцію взять подъ козырекъ предъ революціей. Когда г. Струве увидѣлъ *бумагу*, онъ немедленно призналъ октябрьскую стачку «славной», а въ «Пол. Зв.» даже—*«достославной»*. Только тѣ безчисленныя частныя, мѣстныя, районныя, областныя стачки, которыя подняли на ноги весь наемный людъ, пропитали его чувствомъ солидарности, заставили каждую часть его сознавать свою связь съ цѣлымъ, научили его перекликаться изъ конца въ конецъ,—только эти *необходимыя подготовительныя* стачки г. Струве объявилъ безплодной дезорганизаціей національнаго хозяйства! — Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, считалъ ли г. Струве октябрьскую стачку достославной, когда она *начиналась*? И мы не знаемъ также, считалъ ли бы онъ ее достославной, еслибъ она непосредственно не привела къ манифесту 17 октября?

Когда рабочіе вторгались въ сферу банкетной компетенціи освобожденцевъ, г. Струве говорилъ: будь это революція, другое дѣло; но это простая дезорганизація. Онъ не видѣлъ одного: то, что онъ отвергалъ, якобы во имя революціи, было ничѣмъ инымъ, какъ *прорѣзываніемъ* самой революціи. Тоже самое со стачками. Возбужденная рабочая масса и разъ, и другой, и третій, и десятый напирала на ограниченныя рамки городовъ, районовъ, профессій, отступала, снова напирала, билась локтями о стѣны, падала, снова и снова наступала,—пока не рванулась, наконецъ, впередъ, какъ одно революціонное цѣлое въ октябрьскіе дни. Соціалдемократія по мѣрѣ силъ облегчала этотъ мучительный процессъ. Когда разрозненныя, «безрезультатныя» стачки сотрясали тѣло пролетаріата, г. Струве видѣлъ въ нихъ только дезорганизацію хозяйства, но онъ одобрилъ октябрьскую стачку заднимъ числомъ за ея полупобѣду. А между тѣмъ эта «славная» стачка относится къ предшествовавшимъ ей «безплоднымъ» стач-

камъ, какъ къ неизбѣжнымъ и объективно-цѣлесообразнымъ схваткамъ родового процесса...

Въ *послѣднемъ* номерѣ «Освобожденія», чтобы закончить этотъ журналъ такъ же достойно, какъ онъ его началъ, г. Струве обрушился на соціалдемократію за университетскіе митинги и за ея стачечную тактику, преслѣдующую не благо рабочихъ, но лишь выгоды политической пропаганды. Станетъ ли теперь самъ г. Струве отрицать, что если частныя стачки *подготовили* славную общую стачку, то университетскіе митинги *дали ей объединяющій политическій лозунгъ*.

Октябрьская стачка амнистировала г. Струве. Онъ вернулся въ Россію, и на земскомъ съѣздѣ въ Москвѣ нашъ непреклонный демократъ оказался не на лѣвомъ крылѣ, съ Петрункевичемъ, даже не въ центрѣ, съ Милюковымъ, а на правомъ крылѣ, съ Шиповымъ,—и это не по нашей придирчивой оцѣнкѣ, но по опредѣленію освобожденцевъ изъ «Нашей Жизни». — Выждавъ паденія революціонной волны, г. Струве принялся за изданіе конституціоннаго органа на почвѣ, созданной манифестомъ 17 октября. Для того, чтобы его прошлое не питало ничьихъ опасеній за его будущее, г. Струве въ публикаціяхъ объ изданіи «Полярной Звѣзды» объявилъ о своей *искренности*. Каемся, мы никогда не питали довѣрія къ тому цѣломудрію, которое боится, что его не оцѣнятъ и потому демонстрируетъ себя на площади, — при чтеніи объявленія мы покачали головой. И мы не ошиблись.

«Часто приходится слышать, писалъ г. Струве въ № 4, что *всю правду* нельзя говорить въ пылу борьбы; но намъ кажется, правильно возражаетъ онъ, что въ этомъ отводѣ предъявляемомъ правдѣ, звучитъ не увлеченіе борьбой, а совсѣмъ другія чувства: неувѣренность въ себѣ, сознаніе своего

собственнаго безсилія и—какъ естественное завершеніе всего этого—*политическая трусость*, трусость за себя и за любимое дѣло освобожденія». (№ 4, 278) А черезъ три недѣли онъ же пишетъ: «Кому не чужда политическая отвѣтственность, тотъ *не* станетъ вкладывать *все, что онъ считаетъ правильнымъ* (т. е. «всю правду», какъ онъ ее понимаетъ, Л. Т.), независимо отъ того, какой *эффектъ* въ умахъ слушателей или читателей будетъ имѣть такая проповѣдь и какіе *реальные плоды* она можетъ дать» (№ 7, 444, курс. наши),

Вы видите, что тутъ два прямо противоположныхъ принципа: говорить *всю правду*, aussprechen was ist, по слову Лассаля, есть принципъ мужественной революціонной политики, которая живетъ увѣренностью, что въ конечномъ счетѣ «эффектъ» правды и ея «плодъ» всегда благотворны; говорить *полъ-правды*, т. е. *неправду*, изъ страха за эффектъ полной правды и за ея плоды, это — политика либеральной трусости, «трусости за себя и за свое дѣло». Но г. Струве, искренность котораго удостовѣрена объявленіями, дѣйствуетъ одновременно на основаніи этихъ обоихъ принциповъ. Въ какихъ же обстоятельствахъ?

Въ первомъ случаѣ, именно, когда г. Струве нападаетъ на «безумство» московскаго возстанія, на стачки, на аграрное движеніе, онъ отстаиваетъ свое право говорить *всю правду*, хотя бы она сейчасъ и не находила доступа къ «умамъ и сердцамъ массъ». Во второмъ случаѣ, нападая на «опасную» проповѣдь классовой борьбы и на республиканскую агитацію крайнихъ партій, «стоящую въ рѣжущемъ противорѣчіи съ наивнымъ монархизмомъ массъ» (№ 7, стр. 444), г. Струве требуетъ, чтобъ говорили только *полъ-правды*, т. е. неправду.

Онъ требуетъ мужества лишь въ борьбѣ съ тѣмъ, что онъ считаетъ революціонными предразсудками „безумствующихъ" массъ. Но онъ считаетъ доблестью политическую трусость

по отношенію къ реакціоннымъ предразсудкамъ этихъ массъ. Таковъ этотъ мужественный правдолюбецъ, Петръ Львиное Сердце!..

Ткачъ Основа, собираясь играть передъ герцогомъ льва, сперва обѣщалъ рычать по всей правдѣ, какъ льву подобаетъ. Но...

Пигва (столяръ): Если вы будете рычать слишкомъ страшно, то *испугаете герцогиню и дамъ (непріятный „эффектъ“)*; вы рычать, а онѣ—кричать, а этого достаточно, чтобы насъ повѣсили (*непріятные „плоды“ львиной правды*).

Основа: Я согласенъ съ вами, друзья... Но я только до такой степени возвышу мой голосъ, что буду рычать, какъ милая горлица... Я просто буду рычать, какъ соловей.

Славный шекспировскій ткачъ Основа! Ему безспорно не чужда была отвѣтственность. Но при всемъ томъ необходимо признать, что львиная кожа сидитъ на немъ, какъ башмаки Алкида на ослѣ!

II. Революція предъ судомъ „Полярной Звѣзды".

„Бунты" или революція?

— Но вѣдь это бунтъ!
— Нѣтъ, это—революція!
(Извѣстный діалогъ).

Революція не остановилась ни на 9 января, ни на 17 октября. Въ формѣ стачекъ и частичныхъ возстаній, военныхъ, окраинныхъ, городскихъ, она начала дальше пробивать себѣ дорогу. Г. Струве, повидимому, такъ же мало ожидалъ этого, какъ и г. Витте. „Полярной Звѣздѣ" пришлось устанавливать свое отношеніе къ революціи.

Г. Струве заявилъ, что онъ за *революцію*, но противъ *революцій*, т. е. противъ „бунтовъ". Свободѣ не нужны революціи (уличныя манифестаціи, стачки, возстанія, аграрныя волненія), онѣ нужны реакціи, какъ *поводы* (!) для ея выступленій,—какъ будто у реакціи недостаточно *причинъ* для борьбы съ революціей, чтобы она могла затрудняться отсутствіемъ *поводовъ!* Какъ будто военное положеніе въ Польшѣ не было объявлено сейчасъ же вслѣдъ за манифестомъ 17 октября—не только безъ всякаго повода, но и безъ всякой попытки найти поводъ!

Итакъ, лозунгъ: революція безъ революцій!

Г. Струве боролся противъ тѣхъ рабочихъ выступленій, безъ которыхъ невозможно было бы 9-е января. Но онъ „принялъ"

9-е января. Струве боролся противъ тѣхъ стачекъ и митинговъ, которые подготовили октябрьское выступленіе. Но онъ „принялъ“ достославную октябрьскую стачку. Теперь онъ обобщаетъ эту глубокомысленную тактику: онъ противъ революцій, но онъ за революцію. Эта точка зрѣнія должна показаться удивительно счастливой „революціонерамъ“ земскихъ съѣздовъ и либеральныхъ салоновъ. Она позволяетъ бороться противъ дѣйствительной, въ массахъ и черезъ массы совершающейся, но еще не объединившейся въ государственной власти *революціи*—во имя ея объединяющаго *имени*. Она позволяетъ быть контръ-революціонеромъ во имя революціи.

„Пол. Звѣзда“ противъ революцій, поэтому она противъ крайнихъ партій, которыя одобряютъ и вызываютъ эти революціи,—и она требуетъ, чтобы конституціоналисты-демократы рѣшительно отмежевались отъ крайнихъ партій. Но развѣ центръ тяжести въ крайнихъ партіяхъ самихъ по себѣ? Жизнь народныхъ массъ за этотъ послѣдній годъ состоитъ изъ стачекъ, безоружныхъ, но кровавыхъ демонстрацій, митинговъ съ кровавымъ финаломъ, партизанскихъ схватокъ съ полиціей и войсками, военныхъ возстаній, сперва морскихъ, затѣмъ сухопутныхъ, новыхъ болѣе активныхъ стачекъ и, наконецъ, грандіозныхъ возстаній въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ и въ Москвѣ; на ряду со всѣмъ этимъ идутъ аграрныя волненія: захватъ земель, изгнаніе помѣщиковъ и администраціи, наконецъ, податная забастовка... И все это прибываетъ, поднимаются все новые и новые слои народа, каждая волна превосходитъ предыдущую либо широтой захвата, либо высотой гребня, либо тѣмъ и другимъ. Таковъ дѣйствительный процессъ революціи. Кромѣ „безплодныхъ“ *революцій* (если употреблять это глупое слово), составлявшихъ содержаніе жизни громадныхъ народныхъ массъ, была на сценѣ только реакція. Тѣ моменты, которые либералы выдѣ-

вляютъ (9 января, 17 октября) были лишь комбинаціями все тѣхъ же „революцій" съ реакціей. А сверхъ революцій и реакціи имѣлось на лицо еще либеральное недовольство и той и другой.

Мы спросимъ: считаете ли вы, вмѣстѣ съ г. Дурново, что „революціи" совершаются крайними партіями? Думаете ли вы, что все дѣло въ зачинщикахъ и агитаторахъ? Вы, конечно, отвѣтите, что вы этого не думаете. Но тогда спросите себя: чѣмъ вы въ сущности недовольны?—содержаніемъ соціалдемократической публицистики? или дѣйствіями рабочихъ, крестьянъ, студенчества, революціонной интеллигенціи? Допустимъ, что русская соціалдемократія — дѣйствительно „помѣсь анархизма съ якобинизмомъ",—развѣ это мѣняетъ дѣло? Допустимъ на минуту, что соціалдемократическая и вообще революціонная интеллигенція, которую вы въ сущности только и имѣете въ виду въ вашихъ нападкахъ, сдѣлается такою именно, чтобы отвѣчать вашему вкусу. Вы согласитесь, что она тѣмъ болѣе приблизится къ цѣли, чѣмъ ближе станетъ къ партіи конституціоналистовъ-демократовъ. Наконецъ, она совершенно слилась съ ними.—Что же, стачки прекратились бы отъ этого? Прекратились бы кровавые возстанія солдатъ и матросовъ? Захватъ земель? Нѣтъ, все это происходило бы, но только гораздо болѣе стихійно и хаотично, чѣмъ теперь.

У революціи есть свои органическіе запросы и неотвратимыя потребности, своя внутренняя логика. Тактика крайнихъ партій учитывается объективнымъ ходомъ революціи лишь по стольку, по скольку она вноситъ возможно большее единство, планомѣрность, сознательность въ стихійно развивающуюся борьбу народныхъ массъ, въ эти непрерывныя „революціи", внѣ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть революціи. И именно исходя изъ этихъ соображеній, соціалдемо-

кратія сознательно строитъ свою тактику въ направленіи объективнаго развитія революціоннаго процесса.

Конечно, можно упрекать ее за то, что она *приспособляетъ* свою тактику къ революціонной стихіи. Но тогда ужъ заодно нужно обвинять ученаго агронома, который приспособляется къ свойствамъ климата и почвы. Одно изъ двухъ: либо отступиться отъ массы, предоставивъ ее собственной судьбѣ и педагогикѣ пулеметовъ, либо приспособлять свою тактику къ стихійному развитію массы. К.-д. сами очень хорошо сознаютъ свое полное безсиліе руководить жизнью революціоннаго народа посредствомъ своихъ общихъ нравственныхъ и юридическихъ теоремъ, но считаютъ себя въ правѣ набрасываться и на соціалдемократію за то, что *она* этого не дѣлаетъ. А она, еслибъ и хотѣла, такъ же мало имѣла бы успѣха въ этомъ, какъ и они сами.

Еслибъ соціалдемократическая интеллигенція устранилась, еслибъ устранились многія тысячи сознательныхъ соціалдемократовъ—рабочихъ, поле заняли бы соціалисты-революціонеры. Еслибъ не было с.-р. (наприм., еслибъ они вмѣстѣ съ с.-д. перешли въ лагерь к.-д.), тогда изъ рядовъ интеллигенціи выдѣлились бы другія революціонныя группы, которыя, во взаимодѣйствіи съ верхнимъ слоемъ пролетаріата и въ противодѣйствіи съ либеральной буржуазіей формулировали бы объективные запросы борьбы рабочихъ массъ. Если русская соціалдемократія, несмотря на гарантіи интернаціональнаго опыта, выполняетъ эту работу, на взглядъ „Пол. Звѣзды“, плохо, то другіе сдѣлали бы ее еще хуже. „Революціи“ все равно происходили бы, только съ большей смутой въ умахъ массъ и ихъ „вождей“. Реакція все равно развивала бы тактику наступленій и отступленій. И либеральные мудрецы все равно были бы недовольны революціями Революціи и реакціями Реакціи. Мы имѣли бы 48 годъ!

Нападки „Пол. Звѣзды“, какъ и либераловъ вообще, *на тактику социалдемократіи, если ихъ развить и углубить, представляютъ собою не что иное, какъ замаскированные нападки на нецѣлесообразную структуру современнаго общества:* на нищету народныхъ массъ, на остроту ихъ соціальныхъ интересовъ, на хищническій эгоизмъ господствующихъ классовъ, на непреодолимость классовыхъ страстей— словомъ на *суровую логику исторіи.*

Не крайнія партіи создали классовыя противорѣчія, но классовыя противорѣчія создали крайнія партіи.

Лассаль когда то сказалъ прусскимъ либеральнымъ идеалистамъ, что, если-бъ онъ создавалъ міръ, онъ поставилъ бы право выше силы,—но, къ сожалѣнію, ему не пришлось создавать этотъ міръ.

Тамъ, гдѣ виновата объективная жестокость исторіи, либерализмъ видитъ только субъективныя ошибки мысли. „Главнѣйшая ошибка, повторенная *нами* вслѣдъ за дѣятелями всѣхъ почти революцій, пишетъ г. Штильманъ въ „Пол. Зв.“, заключается въ томъ, что едва успѣвъ нанести общему врагу первый сильный ударъ, *мы* сейчасъ же о немъ позабыли и подняли жестокую междоусобную ссору“ (№ 7, 501, курс. нашъ).

„Мы“ сдѣлали ту же ошибку, въ какой повинны дѣятели всѣхъ почти (почему *почти?* именно *всѣхъ*) революцій. Кто эти „мы“? Очевидно, авторъ представляетъ себѣ при этомъ литераторовъ „Начала“ и „Полярной Звѣзды“, или, въ лучшемъ случаѣ, сотню—другую дѣятелей земскаго съѣзда и Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. И въ ихъ междоусобной *ссорѣ* (!) „главнѣйшая ошибка“ революціи! Г. Штильманъ своимъ дѣтскимъ языкомъ даетъ выраженіе тѣмъ обычнымъ представленіямъ о ходѣ и исходѣ революціи, какія свойственны людямъ его лагеря. Не классовыя противорѣчія, которыя

обостряются съ каждымъ шагомъ революціи, не объективныя отношенія, которымъ дѣятели даютъ лишь болѣе или менѣе несовершенную формулировку, а субъективныя ошибки этихъ дѣятелей, т. е. собственно господъ литераторовъ и господъ депутатовъ, рѣшаютъ судьбы революцій. И тотъ фактъ, что „главнѣйшая ошибка" повторялась въ каждой революціи, имѣвшей мѣсто въ классовомъ обществѣ,—а иныхъ революцій не бываетъ!—нисколько не мѣшаетъ идеалистамъ исправлять посредствомъ нравоученій, эту *ошибку исторической природы общества.*

Но пусть виноваты дѣятели. Какого же именно лагеря? Авторъ, открывшій „главнѣйшую ошибку", даетъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Наша „буржуазія", пишетъ онъ, (почему буржуазія въ ковычкахъ—неизвѣстно. *Л. Т*) уже политически дифференцировалась. „И *пролетаріату слѣдуетъ*, конечно, *примкнуть* къ наиболѣе лѣвымъ ея элементамъ", онъ „не имѣетъ никакихъ основаній расходиться *даже* съ „буржуазными" элементами конституціонно-демократической и другихъ „несоціалистическихъ" *) партій" (№ 7, 502 курс. н.).

Пролетаріатъ не долженъ расходиться съ конституціонно-демократической буржуазіей, онъ долженъ къ ней примкнуть. Вотъ средство противъ главнѣйшей ошибки.

Но почему же не наоборотъ? Не лучше ли буржуазной демократіи примкнуть къ пролетаріату, разъ что она открыла

---

*) Что означаютъ эти ковычки, совсѣмъ ужъ нельзя понять. То ли, что *въ сущности* всѣ «мы»—соціалисты, но что авторъ лишь условно, въ угоду предразсудкамъ соціалдемократіи, готовъ назвать несоціалистической партію гг. Петрункевичей, Родичевыхъ, Струве и пр. и пр.? Такъ что-ли, господинъ хорошій? За всѣми этими ковычками сквозитъ какое то циничное кокетничанье: вотъ, молъ, хоть я и буржуазный либералъ и отлично сознаю это, и все же говорю о себѣ въ третьемъ лицѣ, кому-то подмигиваю и шучу надъ этимъ: Что взяли?

секретъ главнѣйшей ошибки? Г. Штильманъ можетъ быть увѣренъ: отъ тѣхъ элементовъ буржуазіи, которые „не расходятся“ съ пролетаріатомъ, онъ никогда не отдѣляется; да и невозможно отъ нихъ отдѣлиться. Но г. Штильману кажется, что „расходится“ съ нимъ *пролетаріатъ*, что „ссору“ затѣваютъ публицисты покойнаго „*Начала*“, что „главнѣйшую ошибку“ совершаетъ *соціалдемократія*. Откуда такая односторонность?

Дѣло въ томъ, что политическую ограниченность *своего* класса буржуазные политики всегда и вездѣ считаютъ такимъ-же естественнымъ закономъ, какъ тяготѣніе, тогда какъ общественная природа антагонистическаго класса кажется имъ случайностью, предразсудкомъ, ошибкой вождей. Поэтому свою ограниченную политическую программу они считаютъ нормальной человѣческой программой, дѣлаютъ ее мѣриломъ и требуютъ, чтобы дѣятели противнаго лагеря подчиняли интересы своего класса этому „естественному“ мѣрилу.

Вниманію пролетаріата предъявляются многія тактики: и зубатовская, и треповская, и либеральная, и соціалдемократическая... Но рабочій классъ одни пріемы и методы отбрасываетъ, другими пользуется временно, третьи передѣлываетъ, приспособляя ихъ къ своей природѣ, четвертые ассимилируетъ цѣликомъ. Рабочій классъ это не глина, изъ которой можно лѣпить, что угодно.

Когда въ петербургскихъ массахъ, въ результатѣ длительнаго періода накопленія политическихъ страстей и мыслей, назрѣла потребность выступленія, онѣ заставили служить себѣ зубатовскую организацію и подчинили своимъ цѣлямъ невѣжественнаго священника, ставленника полиціи, вдохнувъ въ него на день революціонный энтузіазмъ. Девятаго января петербургскій пролетаріатъ впервые выноситъ на улицу свою массовую силу. Въ немъ пробуждается съ этого времени

страстное стремленіе политически реализовать свою силу, а для этого—дать ей не случайную, а постоянную цѣлесообразную организацію. Отсюда—вовсе не изъ чьихъ-то анархическихъ заблужденій — громадная масса стачекъ. Соціалдемократія лишь вноситъ въ нихъ организаціонное единство и пользуется ими, какъ ареной агитаціи. Революціонныя эпохи тѣмъ и замѣчательны, что даже крайнія партіи едва поспѣваютъ приспособлять свою тактику къ стихійнымъ движеніямъ народныхъ массъ! Развитіе своихъ силъ и организаціонныхъ связей приводитъ пролетаріатъ, съ одной стороны, ко всеобщей октябрьской стачкѣ, съ другой—къ колоссальной самоорганизаціи пролетаріата въ формѣ Рабочихъ Совѣтовъ. Тотъ этапъ, когда случайный священникъ могъ оказаться вождемъ, оставленъ далеко позади. Еслибъ соціалдемократія попыталась заняться прекращеніемъ рабочихъ „революцій", она немедленно была бы отброшена отъ массы и обречена на ничтожество. Вѣдь пробовали же гапоновцы во главѣ съ Гапономъ противопоставить себя Совѣту Рабочихъ Депутатовъ!..

Конституціоналисты „Полярной Звѣзды", когда они послѣдовательны, говорятъ въ сущности слѣдующее: Въ предѣлахъ тѣхъ интересовъ, которые мы отстаиваемъ и дальше которыхъ не можемъ и не хотимъ итти, мы не способны руководить „революціями". Но, къ несчастію, внѣ этихъ революцій сейчасъ нѣтъ ни политической жизни, ни путей къ массамъ. Остановить революцію мы не можемъ, какъ не можетъ и реакція, въ распоряженіи которой имѣются малюты-дубасовы и флигель-мины. Но мы надѣемся, что въ концѣ концовъ революція искалѣчитъ реакцію, а реакція искалѣчитъ революцію; тогда уставшій и ослабѣвшій народъ разочаруется въ революціи, а въ конецъ истощившаяся реакція

захочетъ нашей поддержки. И вотъ *тогда* придетъ наше время.

Какая-то газета сообщала, отнюдь не въ осужденіе, что г. Набоковъ во время ноябрьской стачки уѣхалъ за границу, заявивъ своимъ друзьямъ: «Революція вступаетъ въ свои права,—и к.-демократу теперь нечего дѣлать». Это поистинѣ превосходно! Конечно, можетъ быть, это газетная выдумка, но это все равно. Если г. Набоковъ этого не говорилъ, онъ долженъ былъ это сказать.—На съѣздѣ конституціоналистовъ-демократовъ г. Милюковъ сказалъ: «Мы—партія по-преимуществу конституціонная» (т. е. *парламентская*). А это значитъ, что пока парламента нѣтъ, а есть революціонная борьба за парламентъ, к.-демократы обречены на бездѣйствіе. Тоже самое говоритъ и Кауфманъ. Онъ очень здраво рекомендуетъ своей партіи «познать себя» и не только отмежеваться отъ крайнихъ партій, но и отказаться отъ конкуренціи съ ними въ массахъ, пока «революціи» не потерпятъ окончательнаго краха, т. е. другими словами, пока массы не будутъ раздавлены. Только пройдя черезъ эту школу, народъ придетъ къ к.-демократамъ. А пока — будемъ заниматься самоопредѣленіемъ, въ формѣ нападокъ на крайнія партіи, и этимъ способомъ подготовлять себя къ господству на полѣ ихъ дѣятельности, когда революція покроетъ это поле своими костями. Такимъ образомъ, какъ бы себя ни убаюкивали к.-д. надеждами на прекрасное будущее (судьбы германскаго и австрійскаго либерализма должны сильно укрѣплять эти надежды!), *фактически* ихъ отмежевываньс отъ крайнихъ партій, по крайней мѣрѣ, на весь революціонный періодъ, есть отмежеваніе отъ народныхъ массъ. Партія, которая *такъ* начинаетъ, не можетъ имѣть будущаго.

Отвлекаясь отъ объективной политической цѣнности этой тактики, мы скажемъ: каково должно быть нравственное са-

мочувствіе той *идейной* интеллигенціи, которая обречена на роль брюзжащаго зрителя, при историческомъ крещеніи націи, при суровыхъ столкновеніяхъ народа съ его врагами, при его первыхъ шагахъ, исполненныхъ анонимнаго героизма, великаго упорства и великихъ жертвъ! Трижды лучше не родиться, чѣмъ принадлежать къ партіи, которая готовится къ своему вліянію посредствомъ отреченія отъ собственнаго народа, переживающаго революціонную страду.

Такое настоящее постыдно! У нихъ не можетъ быть будущаго!

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

Декабрьская работа реакціи смела съ поля зрѣнія „общества" крайнія партіи и такимъ путемъ превратила конституціонную демократію въ корифея оппозиціи. Либеральная печать вообще, а „Пол. Зв." въ особенности, использовала свое положеніе лидера не столько для атаки на абсолютизмъ, сколько для суроваго осужденія тактики революціонныхъ организацій. Центромъ обвиненій явился Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Но чѣмъ энергичнѣе и рѣшительнѣе эти обвиненія, тѣмъ чаще они противорѣчатъ другъ другу.

Г. Струве обвиняетъ Совѣтъ въ томъ, что тотъ *командовалъ* рабочими, и считалъ себя „хозяиномъ петербургскаго рабочаго народа" и писалъ „приказы по пролетаріату". И въ то же время онъ обвиняетъ его въ томъ, что „содержаніе своихъ приказовъ онъ черпалъ не въ своемъ собственномъ пониманіи (!?) того, что нужно и возможно для „подданныхъ" *), а въ мѣняющихся настроеніяхъ этихъ поддан-

*) Приказы по пролетаріату... подданные... Мы не останавливаемся въ текстѣ надъ этими пріемами, которые не пріобрѣтаютъ, конечно,

ıхъ, возвращая эти настроенія въ видѣ краткихъ электри-
'ющихъ лозунговъ". (№ 1, стр. 11). Мы не знаемъ, какимъ
ıтемъ могъ *командовать* С. Р. Д.—организація, созданная
ıмими рабочими выборнымъ путемъ и не располагающая
ıкакимъ механизмомъ репрессіи. Революціонная организа-
я, имѣя противъ себя весь полицейскій аппаратъ и воен-
ıю силу, могла развить столь широкую дѣятельность (лишь
ıчтожная доля ея была видна либеральному обществу!),
ılько опираясь на *добровольную и сознательную* дисциплину
ıмихъ массъ.—Что касается второго, прямо-противополож-
ıго обвиненія, будто Совѣтъ, вмѣсто того, чтобы „командо-
ıть" массами, сообразно „собственному пониманію", только
ıзвращалъ рабочимъ ихъ „мѣняющіяся" настроенія въ видѣ
ектризующихъ формулъ, то это обвиненіе г. *регистратора*
мской мысли вѣрно въ томъ общемъ смыслѣ, что Совѣтъ
ормулировалъ и обобщалъ логически вытекавшіе другъ изъ
ıуга запросы борьбы рабочихъ на фабрикахъ и на улицѣ.
ı чемъ же другомъ и можетъ состоять руководство?

Когда буржуазные политики, которые, разумѣется, не по-
ıщали ни заводскихъ митинговъ, ни районныхъ собраній,
о-бъ тамъ разоблачать ошибки соціалдемократіи, читаютъ „элек-
изующія" формулы Совѣта, по которымъ они пытаются уста-
вить его шатанія и отступленія, то они совершенно не отдаютъ
бѣ отчета въ совершающемся за этими формулами живомъ
непрерывномъ процессѣ *роста массы*, который во многихъ

ıшаго запаха только оттого, что перенесены въ либеральную газету
заборной литературы г. Делюлина о терроризированіи рабочихъ
ıчкой такъ называемыхъ депутатовъ».—Г. Струве говоритъ о *крат-
ıхъ* электризующихъ формулахъ. Это показываетъ, что г. Струве не
ıько не читалъ, но даже не видалъ ихъ. Всѣ резолюціи Совѣта, кромѣ
ıхъ или трехъ, были очень длинны, такъ какъ снабжались подробной
тивировкой въ цѣляхъ направленія и объединенія агитаціи.

случаяхъ столько же питался отступленіями, сколько и на ступленіями, и въ цѣпи котораго тѣ и другія составляли не обходимыя звенья.

Сколько, напримѣръ, глубокихъ критическихъ соображені высказано въ либеральной литературѣ по поводу попытк введенія 8-часового рабочаго дня революціоннымъ путем Сколько проницательныхъ замѣчаній относительно наивност проявленной Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ! Но каковъ н самомъ дѣлѣ былъ смыслъ кампаніи за 8-часовой рабочі день?

Рабочая масса, страшно выросшая и возмужавшая, есте ственно стремилась увеличивать свои завоеванія. Вовлечен ная въ водоворотъ новыхъ громадныхъ вопросовъ и интере совъ, захваченная газетами, листками, ораторами, она хо тѣла во что бы то ни стало создать для себя физическу возможность пользоваться всѣми завоеванными ею свободам Отсюда это могучее стремленіе ограничить фабричную ка торгу восемью часами. Если-бъ Совѣтъ даже думалъ, что рус ская промышленность не выдержитъ 8-часового рабочаго дн и началъ бы на этомъ основаніи просто кричать рабочимъ *назадъ!* они бы не подчинились ему, стачки вспыхнули бі разрозненно, заводъ вовлекался бы въ борьбу за заводомъ неуспѣхъ привелъ бы къ временной деморализаціи. С. Р. Д поступилъ иначе. Руководящіе элементы его вовсе не раз считывали на непосредственный и полный *практическі* успѣхъ кампаніи, но они считались съ могучимъ револю ціонно-культурнымъ стремленіемъ, какъ съ фактомъ, и рѣ шились претворить его во внушительную демонстрацію въ пользу 8-ми часового рабочаго дня.—*Практическій* успѣх „самовольнаго“ прекращенія работы послѣ 8 часовъ труд состоялъ въ томъ, что на нѣкоторыхъ заводахъ было достиг нуто путемъ соглашенія сокращеніе рабочаго дня.—*Мораль*

ный результатъ, гораздо болѣе серьезный, былъ двойной. Во-первыхъ, идея восьмичасового рабочаго дня получила такую колоссальную и незыблемую популярность въ самыхъ отсталыхъ рабочихъ слояхъ, какой не дали бы десять лѣтъ трудолюбивой пропаганды. Во-вторыхъ, упершись въ организованное сопротивленіе капитала, за которымъ стояла братская рука графа, грозившая лоскутомъ, рабочая масса впервые стала лицомъ къ лицу съ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ, какъ съ вопросомъ государственнымъ. На всѣхъ собраніяхъ и митингахъ—на многихъ *противъ* стихійнаго настроенія рабочихъ была проведена резолюція „отступленія", въ которой выяснилась невозможность проведенія восьмичасового рабочаго дня въ одномъ Петербургѣ,— и изъ этого дѣлалось два вывода: 1) о необходимости общегосударственной *профессіональной* организаціи рабочихъ для борьбы за 8-ч. рабочій день въ государственномъ масштабѣ, 2) о необходимости всероссійской *политической* организаціи рабочихъ—для проведенія 8-ч. рабочаго дня чрезъ Учредительное Собраніе законодательнымъ путемъ. Такимъ образомъ, Совѣтъ не „командовалъ" рабочими, но и не являлся простымъ регистраторомъ ихъ требованій и иллюзій: онъ дѣйствительно осуществлялъ руководство. Очерченная тактика позволила Совѣту *удержать* большинство заводовъ отъ изнурительной и заранѣе обреченной на неудачу стачки за 8 ч. рабочій день, и не только не вызвать при этомъ нравственнаго упадка, но, наоборотъ, дать новый толчокъ ихъ энергіи и завязать новый тактическій узелъ: *всероссійскій рабочій съѣздъ*.

На все это Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ тратилъ много труда и вниманія, депутаты въ обсужденіи вопроса проявляли много прозорливости и предусмотрительности. А буржуазные тупицы и верхогляды, просмотрѣвши подрядъ двѣ

революціи Совѣта и узнавъ изъ газетной хроники, что рабочіе хотятъ „явочнымъ путемъ“ ввести нормальный рабочій день, пожимали плечами по поводу темноты массъ и сумасбродства вожаковъ. Достойно при этомъ всяческаго вниманія слѣдующее сопоставленіе: не такъ давно у насъ въ либеральной печати было очень въ модѣ доказывать, что восьмичасовой рабочій день не только не уменьшаетъ, но, напротивъ, увеличиваетъ доходность предпріятій; когда же рабочіе сами взялись за проведеніе восьмичасового рабочаго дня, либеральные публицисты отшатнулись въ священномъ страхѣ за судьбы русской промышленности и національной культуры.

О, книжники и фарисеи!

Буржуазная критика незамѣтно переходитъ въ буржуазную клевету. Либеральная пресса не разъ говорила о *цензурѣ* Совѣта и о насиліяхъ наборщиковъ надъ свободой печати. Г. Струве, не обинуясь, говоритъ о правительственномъ насиліи, которое торжествуетъ, и о революціонномъ насиліи, которое „еще только замышляетъ торжествовать“.

Если въ вопросѣ о свободѣ печати были насилія, то они состояли: 1) въ томъ, что союзъ наборщиковъ, въ согласіи съ Совѣтомъ, постановилъ не печатать произведеній, которыя будутъ представляться въ цензуру—и тѣмъ вынудилъ всѣхъ издателей стать въ этой области на почву „захватнаго права“, 2) въ томъ, что наборщики отказывались неоднократно набирать черносотенныя изданія, призывающія къ избіенію передовыхъ общественныхъ группъ, обвиняющія Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ и революціонеровъ вообще въ кражѣ общественныхъ денегъ (разумѣется, безъ подписи обвинителей) и пр. Рабочіе въ такихъ случаяхъ обращались къ Совѣту и, если послѣдній не находилъ прямого натравливанія и призыва къ бойнѣ, онъ совѣтовалъ наборщикамъ не

препятствовать печатанію. Реакціонная пресса выходила вообще безпрепятственно. Но если-бъ даже наборщики, стоящіе на революціонной точкѣ зрѣнія, не соглашались печатать извѣстныя статьи за ихъ общее направленіе, не только за призывъ къ насилію,—развѣ это, спросимъ, юридически или нравственно недопустимо? Наборщикъ, разумѣется, не отвѣтственъ за то, что онъ набираетъ. Но если политическая борьба обострилась до такой степени, что наборщикъ и въ сферѣ своей профессіи не перестаетъ чувствовать себя отвѣтственнымъ гражданиномъ, онъ, разумѣется, нимало не нарушитъ свободы печати (какой вздоръ!), если откажется набирать, напр., „Полярную Звѣзду". Его могутъ при этомъ активно поддержать и всѣ наборщики данной типографіи и весь союзъ работниковъ печатнаго дѣла,—и тѣмъ не менѣе здѣсь будетъ такъ же мало нарушена „свобода печати", какъ мало нарушается неприкосновенность жилища или свобода торговли отказомъ сдать квартиру или продать товаръ завѣдомому предателю, провокатору или просто врагу свободы.

Капиталъ до такой степени привыкъ пользоваться экономическимъ *насиліемъ*, въ формѣ „свободнаго найма", вынуждающаго рабочаго выполнять всякую работу, независимо отъ ея общественнаго значенія (строить тюрьмы, ковать кандалы, печатать реакціонныя и либеральныя клеветы на пролетаріатъ), что онъ искренно возмущается отказомъ профессіональной корпораціи отъ выполненія противныхъ ей работъ и считаетъ этотъ отказъ „насиліемъ"—въ одномъ случаѣ, надъ свободой труда, въ другомъ—надъ свободой печати.

Гораздо правильнѣе было бы сдѣлать другой выводъ. Для того, чтобы все шло гладко, буржуазнымъ писателямъ необходимо имѣть обширный и стойкій штабъ преданныхъ наборщиковъ. Къ сожалѣнію, это не легко: прививать рабо-

чимъ буржуазныя идеи не такъ просто, какъ клеветать на пролетаріатъ.

Очень поучительно сдѣлать слѣдующее сопоставленіе. Опубликованный г. Струве проектъ конституціи *), за которымъ стоятъ видные освобожденцы, предусматриваетъ, для счастія новой Россіи, *военное положеніе*—съ упраздненіемъ всѣхъ публичныхъ свободъ. Таково необходимое орудіе ихъ будущаго „демократическаго" государства. Люди, которые заявляютъ это такъ откровенно, еще не вылѣзши изъ военныхъ положеній абсолютизма, забываютъ, замѣтимъ мимоходомъ, очень разумное правило, которое римская матрона преподаетъ своему сыну: „Ты прежде облекись во власть, а тамъ уже изнашивай ее!" Но замѣчательно, что эти же люди съ паѳосомъ Тартюфа клеймятъ, какъ насиліе надъ свободой, борьбу рабочихъ съ хулиганской литературой при помощи средствъ профессіональной стачки и бойкота - и когда? въ періодъ ожесточенной гражданской войны, когда рабочихъ травятъ организованныя шайки реакціи подъ покровительствомъ полиціи, и когда существующая „конституція" распространяетъ на эту „гонимую" хулиганскую литературу уголовнаго характера не только полную и безусловную свободу, но и матеріальное покровительство.

Таковы обвиненія.

Буржуазной прессѣ, которая чувствовала въ рабочемъ Совѣтѣ присутствіе внутренней увѣренности и силы, видѣла въ его дѣйствіяхъ прямые выводы изъ его сужденій, въ его сужденіяхъ - смѣлое отраженіе того, что есть, этой бѣдной буржуазной прессѣ было не по себѣ. Она со своими планами и надеждами оставалась совершенно въ сторонѣ, политическая жизнь концентрировалась вокругъ рабочаго Совѣта. От-

*) О немъ см. Н. Троцкій, «Конституція освобожденцевъ», 1905.

ношеніе обывательской массы къ Совѣту было ярко сочувственное, хотя и малосознательное. У него искали защиты всѣ угнетенные и обиженные. Популярность Совѣта росла далеко за предѣлами города. Онъ получалъ „прошенія“ отъ обиженныхъ крестьянъ, черезъ Совѣтъ проходили крестьянскія резолюціи, въ Совѣтъ являлись депутаціи сельскихъ обществъ. Здѣсь, именно здѣсь концентрировалось вниманіе и сочувствіе *націи*, подлинной, не фальсифицированной, демократической націи. Либерализмъ сидѣлъ, какъ на угольяхъ.—Вздохъ облегченія вырвался изъ груди буржуазной *прессы*, когда въ этомъ процессѣ сплоченія демократическихъ силъ вокругъ Совѣта наступилъ интервалъ, который ей кажется финаломъ. Съ лицемѣрными словами протеста противъ правительственнаго насилія она хитро переплетаетъ сокрушенные вздохи по поводу „ошибокъ“ и „промаховъ“ Совѣта. чтобы сдѣлать по возможности ясной для обывателя неизбѣжность *) репрессивныхъ мѣръ.

Эта тактика не нова. Буржуазная литература о дѣятельности рабочаго правительства въ Парижѣ, въ 1871 г., представляетъ собою нагроможденіе инсинуацій, лжи и клеветъ. Задача такой тактики: возстановить общественное мнѣніе промежуточныхъ слоевъ противъ „неистовствъ“ пролетаріата. Наша либеральная пресса не выдумала въ этомъ отношеніи ничего новаго. Безспорно сочувственное отношеніе къ Совѣту массы населенія, въ томъ числѣ демократической интеллигенціи, не позволяетъ оффиціальнымъ вождямъ либеральнаго общества травить Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, какъ врага націи, но они дѣлаютъ, что могутъ, чтобы подорвать его по-

*) Г. Струве и тутъ впереди другихъ. Онъ пишетъ: «С. Р. Д. заготовилъ (на словахъ) вооруженное возстаніе и *тѣмъ* приготовилъ свой собственный арестъ» (№ 1, стр. 11).

пулярность. Рессурсы ихъ критики такъ же ничтожны, какъ ихъ цѣль.

Возстаніе въ Москвѣ.

Девятое января въ Петербургѣ, октябрьская стачка во всей Россіи и декабрьское возстаніе въ Москвѣ—вотъ три вѣхи, отмѣчающія поступательное движеніе русской революціи. Мы уже знаемъ, какъ г. Струве заднимъ числомъ „одобрилъ" 9-ое января и стачку въ октябрѣ. Къ послѣднему событію, къ возстанію въ Москвѣ, онъ отнесся совсѣмъ иначе.

Въ первую минуту онъ признался, что для него „смыслъ этого явленія загадочный". Для г. Струве было загадочно, что тотъ самый народъ, который 9-го января выдвинулъ свои требованія, который въ октябрѣ добился уступокъ безоружнымъ, но не безкровнымъ возстаніемъ, народъ, у котораго уступки были тотчасъ-же отняты, какъ только убыла волна, что этотъ народъ сдѣлалъ то, что онъ дѣлалъ во всѣхъ мѣстахъ въ такіе моменты своей исторіи: вышелъ на улицы и началъ строить баррикады. Поистинѣ, загадочно!...

Г. Струве надоѣло быть непроницательнымъ. Онъ не предвидѣлъ возстанія, и оно не входило въ его планы. Если, тѣмъ не менѣе, возстаніе случилось, тѣмъ хуже для него. И, подумавъ, Струве рѣшилъ, что въ Москвѣ не было возстанія. „Quasi-возстаніе въ Москвѣ"—вотъ какое опредѣленіе даетъ онъ московскимъ событіямъ.

„Въ Москвѣ не было вооруженнаго возстанія *населенія*, пишетъ онъ, были столкновенія отдѣльныхъ, относительно весьма немногочисленныхъ группъ населенія съ полиціей и войсками, были бутафорскія (!) баррикады, воздвигнутыя „революціонной" интеллигенціей въ союзѣ съ *терроризирован-*

ными дворниками (курс. н.) и увлеченными уличными мальчишками; была отчаянно храбрая, геройская борьба нафанатизированныхъ, обрекшихъ себя гибели рабочихъ". (№ 3,225).

Итакъ, обстановка возстанія: бутафорскія баррикады; персоналъ его: 1) „революціонная" (не революціонная) интеллигенція, 2) терроризированные (ею?) дворники, 3) увлеченные (ею?) мальчишки, 4 нафанатизированные (ею?) рабочіе. И вотъ эта поистинѣ „весьма немногочисленная группа населенія" держалась на бутафорскихъ баррикадахъ чуть не двѣ недѣли. Смыслъ этого явленія дѣйствительно „загадочный"!

Въ слѣдующей статьѣ г. Струве еще энергичнѣе подчеркиваетъ главную черту этой картины: московское населеніе вмѣстѣ съ „широкой или большой интеллигенціей" *испугалось* возстанія и было совершенно пассивно. Итакъ, „малая" или „узкая" интеллигенція и фанатики—рабочіе, обрекшіе себя смерти (сколько такихъ могло быть?—горсть!) не только успѣвали, при испуганной пассивности всего населенія, терроризировать дворниковъ и при ихъ помощи строить баррикады, но и умудрялись держаться на этихъ бутафорскихъ баррикадахъ—безъ поддержки, при полной пассивности перепуганнаго населенія!—двѣ недѣли противъ кавалеріи, артиллеріи и пѣхоты!

Если на первый взглядъ живописаніе г. Струве являло видъ „*загадочный*", то при дальнѣйшемъ разслѣдованіи оно становится *невѣроятнымъ*, а при окончательномъ разсмотрѣніи оказывается, какъ увидимъ, *завѣдомо-ложнымъ*.

Г. Струве приводитъ въ своей статьѣ письмо москвича, „вся жизнь котораго прошла и проходитъ въ служеніи русскому освобожденію". Что же пишетъ этотъ почтенный москвичъ? Онъ жалуется на то, что со стороны вліятельныхъ учрежденій не было ничего предпринято для прекращенія кровопролитія. „Дума,

пишетъ онъ, въ теченіе трехъ первыхъ дней возстанія даже не собиралась". Другая корпорація гражданъ „съ значеніемъ и вѣсомъ", московскій университетъ, тоже не сдѣлалъ „ничего рѣшительнаго". Интеллигенція опять-таки ничего не предприняла, „чтобы прекратить бойню въ самомъ началѣ". „Въ этотъ историческій моментъ, жалуется московскій корреспондентъ, она показала себя безсильной". И въ заключеніе онъ спрашиваетъ: „Кто же дѣйствовалъ?" и отвѣчаетъ: „*Народныя массы*. Эти дѣйствовали, дѣйствовали стихійно, безъ плана, ощупью. *Вотъ почему событія приняли такіе размѣры* и были такъ полны ужаса и дикости" (№ 4,281).

Что-же сказать послѣ этого? Какъ назвать незыблемость г. Струве, который привелъ письмо и глазомъ не моргнулъ. Мы не станемъ цитировать десятки свидѣтельствъ, которыя всѣ показываютъ, какъ полицейски-вздорна выдумка г. Струве. Ограничимся ссылкой на реакціоннаго разслѣдователя московскихъ событій, корреспондента „Слова", который тоже останавливается передъ „загадочнымъ смысломъ" двухнедѣльнаго возстанія въ такомъ „истинно-русскомъ" городѣ, какъ Москва. И онъ также искушается мыслью выдвинуть на передовые посты дворниковъ, которыхъ револьверами склоняли къ революціи, но, вспомнивъ, что существуетъ на свѣтѣ стыдъ, онъ прибавляетъ: „*всѣ эти частности, конечно, не мѣняютъ общаго положенія: революція все же нашла много вѣрныхъ слугъ въ Москвѣ среди мѣстнаго населенія*". Размышляя надъ этой загадкой, остроумный корреспондентъ приходитъ къ такому объясненію: «Населеніе было, несомнѣнно, терроризировано (не одни дворники, но все населеніе! *Л. Т.*) *и главное*, прибавляетъ онъ, *населеніе поддавалось этому террору довольно охотно*".

Реакціонный корреспондентъ, какъ видимъ, не безъ блеска вышелъ изъ затрудненія, тогда какъ г. Струве, не пытаясь

свести концы съ концами, просто и явно оболгалъ московскую трагедію. *)

Можно, правда, сослаться на то, что *стрѣляли* на баррикадахъ незначительная часть населенія. И это будетъ вѣрно.. Но вѣдь это уже *армія* въ узкомъ смыслѣ слова. Вопросъ же заключается въ томъ: была ли Москва территоріей революціонной арміи, нейтральной территоріей или территоріей правительственной арміи?—Во всѣхъ возстаніяхъ боевую роль играетъ сравнительно незначительная часть населенія. Роль всей массы опредѣляется ея отношеніемъ къ этой части. При взятіи Парижа военную роль играло нѣсколько тысячъ человѣкъ; но это была *армія Парижа*.—Корреспондентъ „Слова" вмѣстѣ съ московскимъ корреспондентомъ г. Струве говорятъ намъ, что въ возстаніи участвовала народная толпа, масса населенія. И это несомнѣнно: безъ активной поддержки со стороны этой массы длительное возстаніе было и психологически и физически невозможно.

„Населеніе" г. Струве, испуганное и пассивное, это какъ мы видѣли изъ московскаго письма: 1) московская дума, 2) московское земство, 3) московская профессура и 4) московская „большая" интеллигенція,—т.-е. то самое „*общество*" политическимъ регистраторомъ котораго г. Струве состоитъ; это квалифицированное „населеніе" есть московская доля той „націи", именемъ которой г. Петръ Струве клянется.

Къ чести Струве нужно отмѣтить, что онъ не одобряетъ испуга *своего* „населенія". Испугъ передъ московской „рево-

*) Струве говоритъ: «Quasi-возстаніе въ Москвѣ и подлинное возстаніе въ Прибалтійскомъ краѣ». *А Нов. Время* сообщаетъ, что Прибалтійское возстаніе производится молодежью, терроризирующей взрослыхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, если *Полярная Звѣзда* оставила далеко позади себя *Слово*, то, съ другой стороны, *Новое Время* рѣшительно обошло *Полярную Звѣзду*.

люціей", есть одно изъ тѣхъ проявленій общественной глупости (отлично сказано!), за которыя страна платится невознаградимыми нравственными и матеріальными потерями" (№ 4,284). Отлично сказано! И тѣмъ болѣе умѣстно, что многіе публицисты искусственно культивируютъ эту *общественную глупость* и усердно питаютъ ея склонность къ *испугамъ*. Одинъ изъ такихъ литературныхъ поденщиковъ общественной глупости за нѣсколько дней до московскаго возстанія предостерегая отъ послѣдствій проповѣди классовой борьбы, „пужалъ" россійскую глупость: „народныя массы, писалъ онъ, могутъ, увлекаемыя темнымъ, унаслѣдованнымъ отъ прошлаго инстинктомъ, ринуться на интеллигенцію, какъ на господъ".

— Да будетъ стыдно, воскликнемъ мы на этотъ разъ вмѣстѣ съ г. Струве, да будетъ же стыдно литературнымъ прихвостнямъ гучковской думы, которую „испугъ" вогналъ въ переднюю г. Дубасова, да будетъ стыдно публицистамъ, играющимъ на дрянныхъ струнахъ обывательскихъ предразсудковъ и щекочущихъ пятки общественной глупости!

Позорная выписка сдѣлана нами изъ статьи „Революція", напечатанной въ журналѣ *Полярная Звѣзда*. Подъ статьей подписано: 6 декабря 1905 г.—*Петръ Струве*.

...Будучи „противникомъ" вооруженнаго возстанія, г. Струве, когда оно вспыхнуло, ссылаясь и опираясь на него, выдвинулъ свои требованія: Россіи, писалъ онъ, необходимо правительство, облеченное довѣріемъ „хотя бы части общества". „Почему, напримѣръ, такіе умѣренные и даже консервативные люди, какъ дѣятели Союза 17 октября, въ числѣ которыхъ есть люди умные, энергичные и безусловно *честные*, не заслуживаютъ того довѣрія Монарха, которымъ до сихъ поръ продолжаютъ пользоваться гг. Витте, Дурново и прочіе чиновники" (№ 1, 86)... Въ самомъ дѣлѣ, если г. Витте получилъ власть милостью октябрьской стачки, почему г. Ши-

нову не взойти наверхъ по трупамъ московскаго возстанія?— Негодуя на „революціи“, въ которыхъ они не участвують, эти господа, тѣмъ не менѣе, стремятся использовать для себя каждый успѣхъ этихъ „революцій“, за который они ничѣмъ не заплатили.

Въ самый разгаръ возстанія г. Струве даже не ставитъ вопроса ни предъ собой, ни предъ своей партіей, что можно и должно сдѣлать по отношенію къ этому еще происходящему, еще живому, еще не убитому возстанію. Для него это— только благопріятный внѣшній моментъ, чтобы вплотную поставить вопросъ о министерскихъ кандидатурахъ консерваторовъ изъ Союза 17 октября — программа, позорная сама по себѣ, и вдвойнѣ позорная, какъ прямое издѣвательство надъ требованіями возставшихъ. Сурово правъ г. М. Чеченинъ, который въ своей статьѣ о „Стихіи смерти“ (и какъ только эта дѣйствительно искренняя статья попала въ оффиціальный органъ искренности!) говоритъ: “убиваютъ не только тѣ, что стрѣляютъ изъ пушекъ, ружей и револьверовъ, колютъ штыками *...убиваютъ и тѣ, кто, будучи противникомъ вооруженнаго возстанія, съ легкимъ сердцемъ построили бы на немъ свое благополучіе, если бы оно оказалось удачнымъ*“ („П. Зв.“, № 4, 306).

Но и это еще не все. Проходитъ нѣсколько дней, и въ статьѣ, посвященной тому же возстанію, г. Струве противопоставляетъ народной Россіи—„всѣхъ Витте, Дурново, Дубасовыхъ, а *кстати* (!) и ихъ прислужниковъ, т. е. *весь* Союзъ 17 октября“ (№ 6, 381, курс. н.). Вы обратите, пожалуйста, вниманіе на это словечко *кстати!..* .

Мы не знаемъ, что за эти четырнадцать дней произошло за тѣми кулисами, гдѣ шушукаются о министерскихъ портфеляхъ и объ ризахъ распятаго народа мечутъ жребій. И мы не хотимъ этого знать!—Мы знаемъ одно: либеральный

писатель, который думаетъ вести за собой идейную интеллигенцію, играетъ кровью народа, какъ послѣдній изъ послѣднихъ политическихъ торгашей. Кровью московскаго возстанія, говоритъ Струве, страна должна купить себѣ смѣну правительства Витте, Дурново и Дубасова правительствомъ Союза 17 октября, — того Союза 17 октября, который *весь*, замѣтьте, *весь* является, по словамъ самого же Струве, простымъ *прислужникомъ* правительства Витте, Дурново и Дубасова!

Когда г. Струве развивалъ въ „Рус. Вѣд." комментаріи къ извѣстному обращенію графа Витте къ „братцамъ-рабочимъ", мы заявили, что г. Струве — политическій агентъ Витте. Сантиментальныя души возстали противъ насъ. Теперь мы готовы внести въ нашу формулу поправку. Если въ ноябрѣ г. Струве выступалъ, какъ агентъ Витте, то въ декабрѣ онъ выступилъ, какъ *прислужникъ его прислужниковъ...*

...Чтобъ закончить эту картину, которую можно бы назвать: „пляска либеральныхъ папуасовъ вокругъ поверженныхъ враговъ", прибавимъ еще одинъ выразительный штрихъ.

Въ № 2 „Пол. Зв." напечатана корреспонденція князя Гр. Трубецкого о „московскихъ декабрьскихъ дняхъ". Вспоминая о митингахъ и собраніяхъ, происходившихъ послѣ 17 октября, авторъ находитъ, разумѣется, что „свободы" были использованы не такъ, какъ надлежало. „Правда, говоритъ онъ, въ критикѣ и осужденіи правительственныхъ дѣйствій никто не стѣснялся. Заслуга ораторовъ и публицистовъ въ этомъ отношеніи была, однако, невелика, потому что *противъ поверженнаго льва отваживаются, какъ извѣстно, даже и не очень храбрыя животныя*" (№ 2, 158, курс. н.). Г. корреспондентъ забываетъ, что митинги начались *до* 17 октября, такъ что не требовалось вовсе манифеста, чтобъ ораторы и

публицисты „отваживались“. Дѣло, однако, не въ этомъ. Кн. Гр. Трубецкой писалъ свою корреспонденцію *послѣ* московскаго возстанія, а г. Струве напечаталъ ее 22 декабря. Сопоставьте теперь эти даты съ тѣми соображеніями, которыя позволяютъ г. корреспонденту сравнивать революціонеровъ съ „не очень храбрыми животными“. Ораторы и публицисты, выступавшіе послѣ 17 октября, ясно видѣли и твердо знали, что „левъ“ еще не поверженъ. Къ пропагандѣ этого именно ихъ убѣжденія сводилось содержаніе значительной части ихъ статей и ихъ рѣчей. Они знали, ни минуты не сомнѣвались, что въ извѣстный моментъ чаша „конституціоннаго“ терпѣнія неповерженнаго льва переполнится, что они первые падутъ жертвой его мстительной ярости, и что месть будетъ тѣмъ жесточе, чѣмъ энергичнѣе были ихъ нападенія. Они знали это. И такой моментъ дѣйствительно наступилъ. И вотъ, когда вся революціонная пресса была задушена, ораторы и публицисты перебиты или заточены, когда въ Москвѣ еще не закончилась недѣля о семеновцахъ, либеральный публицистъ на страницахъ либеральнаго органа издѣвается — не надъ планами, тактикой или взглядами, но надъ *мужествомъ* революціонеровъ, сравнивая ихъ съ не-храбрыми животными, лягающими льва

Если въ ту минуту, когда писались цитированныя строки, какой-нибудь *левъ* былъ поверженъ, такъ это левъ *революціи*. И—простите, господа!—если какой-нибудь оселъ лягалъ поверженнаго льва, такъ это оселъ либерализма.

Мы говоримъ въ этой главѣ о судѣ либерализма и, въ особенности, „Полярной Звѣзды“, надъ революціей. Но въ сущности, газета Струве не судитъ революцію, а обвиняетъ ее. Это не голосъ судьи, который взвѣшиваетъ доводы *за* и *противъ*—да такихъ безпристрастныхъ судей въ политикѣ и

не бываетъ; еще менѣе это—голосъ защитника, который отстаиваетъ свое дѣло, несмотря на всѣ его изъяны. Это голосъ прокурора по политическимъ преступленіямъ революціоннаго народа. И чѣмъ далѣе, тѣмъ пристрастнѣе и ожесточеннѣе становится обвинительный актъ.

„Освобожденіе" ставило въ высшую себѣ заслугу свою терпимость по отношенію къ революціонерамъ. „Полярная Звѣзда" каждой статьей, если не каждой буквой открыто борется со всѣмъ, что связано съ революціей. Въ „Освобожденіи" г. Струве защищалъ революціонеровъ отъ нападеній покойнаго Евреинова и кн. Е. Трубецкого; онъ выступалъ противъ либеральныхъ жалобъ на анархію справа и анархію слѣва;—въ „Пол. Звѣздѣ" онъ съ самаго начала заявляетъ себя заклятымъ врагомъ насилія, исходитъ ли оно „отъ власти или отъ анархіи" (№ 1, „Отъ редакціи").

За этимъ поворотомъ фронта скрывается измѣненіе политическихъ отношеній.

Въ первую эпоху революціи и либералы *терпѣли* ее. Они ясно видѣли, что революціонное движеніе, несмотря на свою молодую хаотичность и стихійность, расшатываетъ абсолютизмъ и толкаетъ его на путь конституціоннаго соглашенія съ господствующими классами. Они держали руки на готовѣ, относились къ революціонерамъ дружелюбно, критиковали ихъ мягко и осторожно.—Теперь, когда условія конституціоннаго соглашенія уже написаны и, казалось бы, остается лишь выполнить ихъ, дальнѣйшая работа революціи явно подкапывается подъ самую возможность сдѣлки земскаго большинства и меньшинства съ властью. Революція сознательно ставитъ себѣ гораздо большія цѣли и тѣмъ возстановляетъ противъ себя либерализмъ.

Вопреки софистическому противопоставленію революціи—„революціямъ", г. Струве гораздо „терпимѣе" относился къ

революціи въ первый ея періодъ, когда она представляла наиболѣе анархическую картину разрозненныхъ, неоформленныхъ, стихійныхъ „революцій" (ростовская стачка 1902 г., іюльскіе дни 1903 г. на югѣ, 9 января, террористическіе акты), ибо *такія* вспышки не могли претендовать на самостоятельную творческую роль; онѣ лишь обезсиливали и компрометировали абсолютизмъ, подталкивая его въ объятія земцевъ.

Именно потому, что разрозненныя движенія съ каждымъ разомъ все болѣе превращаются въ организованную революцію, руководимую *извнутри;* именно потому, что эта сознавшая себя революція уже не хочетъ быть простымъ тараномъ на службѣ конституціонно-буржуазныхъ плановъ, а грозитъ этимъ планамъ гибелью, — именно поэтому г. Струве проявляетъ столько озлобленія, такъ рветъ и мечетъ противъ революціи. Чѣмъ яснѣе онъ видитъ себя висящимъ въ воздухѣ, тѣмъ болѣе виновата революція.

III. „Полярная Звѣзда“ предъ судомъ революціи.

So klein bist du, so gross bist du Fantast—фантазеръ то ты большой, да фантазія твоя маленькая.

Мы видѣли революцію предъ судомъ идеалистическаго либерализма. Теперь посмотримъ, какіе же отвѣты даетъ либерализмъ на вопросы революціи.

Что дѣлать? Гдѣ выходъ?

Правда, г. Нечаевъ, „извѣстный юристъ“, уже доказалъ въ „*Полярной Звѣздѣ*“ „чисто дѣловымъ образомъ и весьма тонко“, по аттестаціи Струве, что манифестъ 17 октября есть актъ конституціонный. Послѣ этого, несомнѣнно, всѣмъ должно стать ясно, что арестъ 100000 человѣкъ, нѣсколько тысячъ убійствъ, свыше ста городовъ и мѣстностей, брошенныхъ въ пекло всевозможныхъ видовъ охраны—что все это не правомѣрныя проявленія еще существующаго самодержавнаго строя, но противузаконныя нарушенія уже существующей конституціи. Но это почему-то мало успокаиваетъ. „Новости“ прямо кричатъ: „Прочь отъ такой свободы!.. Не надо намъ такой „конституціи“!.. Крѣпкая заднимъ умомъ „Русь“ убѣдилась на „исторіи нашихъ дней“, что если средства, выбранныя революціонными партіями были невѣрны, то „оцѣнка положенія и правительственныхъ нашихъ дѣятелей была вѣрная“ (№ отъ 28 янв.). Но каковы же эти настоя-

ція вѣрныя средства? Гдѣ выходъ изъ конституціонной дубасовщины.

У либеральныхъ политиковъ отвѣта нѣтъ. „Новости“ откровенно выражаютъ безсильную растерянность либерализма. „Какая работа, какая Дума, пишетъ эта газета, можетъ быть при такихъ условіяхъ... Какъ можно итти съ такимъ правительствомъ!..“

Венеціанецъ Манинъ хорошо сказалъ въ 48 г., что „нація никогда не имѣетъ права мириться со своимъ несчастіемъ“. Выходъ долженъ быть найденъ. *У либеральной мысли его нѣтъ.* Она растерянна, уклоняется отъ отвѣта или откровенно сознается въ своей политической прострацiи.

Что же говоритъ г. Струве? Г. Струве дѣлаетъ гримасу мудрости и притворяется, что знаетъ спасеніе.

„Страна должна, пишетъ онъ, своими избирательными бюллетенями стереть главу (бюрократическаго) змія“ (№ 4, 287). „Государственная Дума, по законамъ 6 авг.—17 окт. „сниметъ“ бюрократію съ легкостью, которая *всѣхъ поразитъ*“ (№ 6, 381, кур. н.).

Всѣхъ, кромѣ г. Струве, который это знаетъ напередъ.

Вся задача въ томъ, чтобы революція не нарушала „порядка“ и дожидалась созыва Государственной Думы. Мы уже старались раньше выяснить, что тактика успокоенія есть верхъ утопизма: ибо кто и какъ удержитъ массы, если ихъ надолго не способенъ сдержать и абсолютизмъ? Мы не станемъ говорить сейчасъ и о томъ, что такая тактика враждебна интересамъ народныхъ массъ: для нихъ гораздо выгоднѣе поставить буржуазную Думу лицомъ къ лицу съ совершившимися измѣненіями, чѣмъ, сложа руки, ждать ея пришествія. Пройдемъ мимо всѣхъ этихъ соображеній и допустимъ, что программа „Пол. Зв.“ выполнена. Рабочіе и крестьяне молчатъ и заучиваютъ невѣдомыя имъ имена либеральныхъ кандидатовъ.

Допустимъ даже, что при такомъ полномъ успокоеніи выборы будутъ произведены. Хотя, должны признаться, мы не можемъ понять, зачѣмъ тогда правительству выборы? Исторія послѣдняго года показала, что именно революціонные „безпорядки", „дезорганизація", „анархія" толкаютъ абсолютизмъ на путь конституціоннаго соглашенія съ буржуазіей. Но допустимъ, что подъ вліяніемъ чего угодно: уроковъ прошлаго, увѣщеваній новыхъ земскихъ депутацій, наконецъ, неотразимой пропаганды „Пол. Звѣзды", самодержавіе (оно все-таки существуетъ!) созоветъ Государственную Думу.

Крайнія партіи не мѣшаютъ; «революціи» прекратились. Дума уже въ Таврическомъ дворцѣ, уже выслушана тронная рѣчь, уже выбранъ предсѣдатель. Съ чего начнетъ свою дѣятельность Дума? Что, если созванная безъ „революцій", но подъ прессомъ дубасовщины, Государственная Дума начнетъ съ того, что ассигнуетъ необходимыя средства, дастъ свою подпись подъ новыми займами, словомъ составитъ національный хоръ при г. Витте? Въ самой „Полярной Звѣздѣ" слышатся опасенія со стороны нѣкоторыхъ сотрудниковъ насчетъ политическаго состава будущей Думы. Какъ быть съ тѣми порядками, какіе насадитъ гучковскій парламентъ? Что дѣлать противъ союза бюрократіи съ набранными ею въ Думу молодцами-правопорядцами? *Какія средства предложитъ тогда г. Струве?*

Г. Струве скажетъ, что такая Дума невозможна, что „національная совѣсть" или „духъ націи" подчинитъ себѣ составъ и настроеніе Думы. Мы нашли, кажется, довольно счастливую формулу въ стилѣ той приподнятой фразеологіи, которая составляетъ помѣсь изъ Герцена и „Русскихъ Вѣдомостей". Мы могли бы отвѣтить, что это—непозволительный оптимизмъ, что у серьезнаго политика долженъ быть отвѣтъ на *худшій* случай. Но мы снова пойдемъ навстрѣчу

г. Струве и допустимъ, что въ парламентѣ составится конституціонно-демократическое большинство. Ничего лучшаго г. Струве не можетъ требовать.

Мы думаемъ, что такая Дума съ самаго начала должна будетъ: 1) дать отставку Витте, Дурново и К°, 2) призвать къ власти Петрункевича, Милюкова и Струве, 3) организовать выборы Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго рабочаго прямого и тайнаго избирательнаго права, 4) замѣнить въ провинціи флигель-адъютантовъ конституціонными чиновниками, 5) нарядить слѣдствіе надъ преступленіями отставленныхъ министровъ и ихъ агентовъ, и пр. и пр.

Мы, разумѣется, не рисуемъ *нашей* программы. Мы только называемъ тѣ простѣйшіе и первѣйшіе акты, которые *должна* будетъ совершить конституціонно-демократическая Дума, если она сохранитъ—что предполагается—уваженіе къ тѣмъ обязательствамъ, какія дастъ странѣ во время выборовъ. Если она этого не сдѣлаетъ, а начнетъ упорядочивать хозяйство черезъ правительство Витте-Дурново-Дубасовъ-Минъ, тогда мы получимъ первый уже отмѣченный случай со всѣми вытекающими изъ него тактическими вопросами.

Считаемъ нужнымъ оговориться, что мы нисколько не сомнѣваемся—на основаніи общихъ соображеній и примѣровъ исторіи—въ томъ, что либеральная Дума, увидѣвъ себя ущемленной, готова будетъ примириться съ графомъ Витте и отказаться („временно“!) отъ всеобщаго избирательнаго права. Но бѣда въ томъ, что и въ этомъ случаѣ конфликтъ будетъ все-таки неизбѣженъ. Есть вопросъ, о который примиреніе неизбѣжно разобьется, если только Дума не будетъ простымъ сбродомъ ставленниковъ бюрократіи: это вопросъ о государственномъ кошелькѣ, главный источникъ всѣхъ конституціонныхъ конфликтовъ, — тѣмъ болѣе у насъ, при нашемъ разстроенномъ хозяйствѣ, при нашихъ чудовищныхъ государ-

ственныхъ долгахъ, непомѣрномъ бюджетѣ и его чудовищномъ распредѣленіи. Либеральная буржуазія готова будетъ многое уступить по части свободъ, хотя онѣ, по мнѣнію ея идеологовъ, имѣютъ абсолютную цѣнность. Но когда рѣчь пойдетъ о бюджетѣ, тутъ она „готова торговаться и о восьмой частичкѣ волоска". Пріучить же монархію къ парламентарной бюджетной практикѣ вовсе не такъ легко. Наши традиціи на этотъ счетъ очень прочны. Онѣ нисколько не измѣнились со временъ Грознаго Царя, который ни за что не хотѣлъ понять выгодъ польской системы вотированья бюджета:

На сеймѣ ихнемъ королю въ пособьи
Отказано! Достойно, право, смѣху!
Свои же люди своему владыкѣ
Да денегъ не даютъ!

На что шутъ не плохо замѣчаетъ:

У насъ не такъ!
Понадобилось что—хапъ, хапъ!—и есть!

Вотъ на почвѣ этого очень хорошо извѣстнаго г. Витте принципа: „хапъ, хапъ, — и есть"! конфликтъ совершенно неизбѣженъ. Конституціонная исторія Россіи съ него именно и начнется.

Но г. Струве оцѣниваетъ свою партію выше, чѣмъ мы *).

---

*) Мы ошиблись. Въ № 9 «Пол. Зв.» г. Струве, примиряя двѣ резолюціи к.-д., изъ которыхъ одна отвергаетъ, а другая какъ бы признаетъ «органическую работу» въ Думѣ, говоритъ противъ лѣваго крыла своей партіи: «что такое есть *органическая работа*— я никогда не понималъ», и на основаніи этого своего непониманія хочетъ сохранить за Думой право представительствовать націю. Мы, конечно, не станемъ искать формальныхъ признаковъ «органической работы». Но кто не хочетъ заниматься софистикой, тотъ признаетъ, что к.-д., высказавшись противъ «органической работы», тѣмъ самымъ обязались:

Примемъ его оцѣнку. Допустимъ, что Дума начнетъ съ того, съ чего слѣдуетъ начать: увольняетъ министерство. А министерство отвѣтитъ такъ, какъ ему слѣдуетъ отвѣтить: не захочетъ выйти въ отставку. Мы очень боимся, что г. Струве воскликнетъ: министерство падетъ подъ гнетомъ общественнаго негодованія! На это можно лишь отвѣтить базаровской фразой: „Другъ мой, Аркадій Николаевичъ, пожалуйста, не говори красиво!“ Развѣ этого негодованія мало теперь? Правительство, которое прошло чрезъ дубасовщину, не падаетъ ни отъ вотума Думы, ни отъ общественнаго негодованія. У него есть на негодованіе націи два короткихъ отвѣта: первый отвѣтъ: *наплевать*! второй отвѣтъ: *пли*!

Конечно, нація сможетъ поддержать вотумъ Думы своимъ единодушнымъ сочувствіемъ; отовсюду идутъ телеграммы, адреса, депутаціи. Г. Витте говоритъ: Наплевать! Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и прежде всего въ столицѣ, болѣе радикальные элементы („крайнихъ“ нѣтъ!) пробуютъ устроить мирную уличную манифестацію протеста. Г. Дурново готовится сказать „*пли*“. Улицы немедленно покрываются войсками, на перекресткахъ устанавливаются пулеметы, въ столицѣ вводится (вѣрнѣе: остается) военное положеніе. „Патроновъ не жалѣть“! Мы все это знаемъ, мы чрезъ это прошли. Встревоженная Государственная Дума призываетъ столицу къ спокойствію.

---

1) если большинство Думы будетъ противъ созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія — выступить изъ состава Думы и сдать свои полномочія избирателямъ;

2) если большинство будетъ изъ к.-д.—отставить министерство, декретировать созывъ Учредительнаго Собранія, назначить для этого ближайшій срокъ и организовать выборы.

Г. Струве скажетъ: Доктринерство! А если корона не согласится?

— Вотъ именно! Про это-то мы и говоримъ!

Что дѣлаетъ правительство? Чтобъ избавить Думу отъ моральной поддержки, а себя отъ надоѣвшихъ протестовъ Думы, оно заявляетъ, что въ виду возбужденнаго состоянія умовъ Дума не можетъ чувствовать себя въ столицѣ въ такомъ спокойствіи, какое требуется серьезностью ея занятій; поэтому ей предлагается въ такой-то срокъ перенести свои занятія въ Новгородъ, тихую колыбель русскаго государства. Что въ этомъ случаѣ сдѣлаетъ Государственная Дума? Струве какъ бы предусматриваетъ такой вопросъ и говоритъ: „...Дума въ грозномъ спокойствіи противопоставитъ себя бюрократіи" (№ 6, 381). „Другъ мой, Аркадій Николаевичъ"... „Грозное спокойствіе" превосходная вещь, если только оно не похоже на театральную позу, прикрывающую растерянное безсиліе. На самомъ дѣлѣ у Думы не будетъ никакого выхода. Если она не захочетъ призывать населеніе къ „безумствамъ" (а она не захочетъ), ей придется открыто признать, что у нея нѣтъ силъ, которыя она могла бы противопоставить семеновцамъ, что она слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за политику правительства и спѣшитъ распустить себя, чтобы черезъ два дня не быть распущенной въ Новгородѣ военной силой.

Что же оказывается? Оказывается, что мы возвращаемся назадъ. Думы нѣтъ. „Революціи" нѣтъ. Какъ угодно, это будетъ больше напоминать Россію Александра III, чѣмъ конституціонную Россію. А дальше? Снова земскій съѣздъ? Но земскій съѣздъ послѣ Государственной Думы, это — пустяки. Нашей апелляціей къ грозному спокойствію Думы мы не разрѣшили вопроса, но лишь отодвинули его разрѣшеніе. Нація, конечно, не примирится со своимъ несчастіемъ. Она пойдетъ дальше тѣмъ самымъ путемъ, на которомъ мы ее остановили у порога этого разсужденія—путемъ революціонной борьбы, которая въ своихъ удачахъ и неудачахъ организуетъ народ-

ную массу, единственный оплотъ демократіи. Тактика, которую мы мысленно развили, остановила насъ, говоря словами того же Манина, на „полуреволюціи, нуждающейся въ другой, чтобы ее дополнить".

Нѣмецкая поговорка учитъ, что самые дешевые товары суть вмѣстѣ съ тѣмъ и самые дорогіе. Также и въ политикѣ. Самые дешевые либеральные рецепты въ концѣ концовъ дороже всего обходятся народу.

Можетъ быть, намъ скажутъ, что та перспектива, которую мы выше представили, невѣроподобна, неисторична. Мы бы очень хотѣли, чтобы г. Струве указалъ намъ другую перспективу, т. е. разсказалъ намъ болѣе обстоятельно, какъ онъ собирается „снимать" бюрократію.

Мы, съ своей стороны, попробуемъ сослаться на исторію: не мы же первые, наконецъ, „снимаемъ" бюрократію.

Всѣ знаютъ, что états généraux были организованы еще на болѣе архаическихъ началахъ, чѣмъ наша Государственная Дума, и знаютъ, что собраніе сословій превратилось въ Національное Собраніе, которое „сняло" бюрократію и созвало Законодательное Собраніе; что это послѣднее „сняло" короля и созвало Конвентъ. а Конвентъ „снялъ" голову короля.

Но какъ произошло превращеніе сословій въ могущественное Національное Собраніе? Первый конфликтъ съ короной произошелъ по вопросу о способѣ голосованія: поголовно или посословно. Въ этомъ вопросѣ король уступилъ третьему сословію. Но эта уступка только отодвинула конфликтъ.—Дабы не казалось, что мы подгоняемъ разсказъ подъ политическую мораль, мы изложимъ ходъ дальнѣйшихъ событій текстуально по Олару.

„Дѣлая видъ, что уступаетъ, король велѣлъ придвинуть съ границъ войска.—Депутаты поспѣшили дѣйствовать, какъ

члены Учредительнаго Собранія.—По ихъ мнѣнію, они получили отъ своихъ довѣрителей повелительный мандатъ не соглашаться ни на какую субсидію ранѣе установленія конституціи...—Дворъ, съ своей стороны, спѣшилъ съ приготовленіями къ государственному перевороту, имѣвшему цѣлью *распущенія Національнаго Собранія.* Армія чужеземныхъ наемниковъ, съ многочисленной артиллеріей, блокируетъ Собраніе (засѣдавшее въ Версалѣ) и прерываетъ его сообщеніе съ Парижемъ. Собраніе требуетъ у короля удаленія войскъ (8 и 9 іюля). — Король надменно отказываетъ въ этомъ (11 іюля), предлагаетъ иронически Собранію *перевести его въ Нуайонъ или Суассонъ*; наконецъ, сбрасываетъ маску, удаляетъ Неккера и составляетъ министерство государственнаго переворота.—Собраніе прекрасно держитъ себя, объявляетъ, что удаленные министры уносятъ съ собой его уваженіе и его сожалѣніе, что „министры", а также всѣ гражданскіе и военные агенты власти отвѣтственны за всѣ акты, нарушающіе права націи и декреты этого Собранія", дѣлаетъ лично отвѣтственными новыхъ министровъ и совѣтниковъ короля, „къ какому бы званію и сословію они не принадлежали", декретируетъ, что оно настаиваетъ на своихъ постановленіяхъ 17, 20 и 23 іюня и снова требуетъ удаленія войскъ.

„Война объявлена. Съ одной стороны стоитъ король, опирающійся на свои привилегіи; съ другой Національное Собраніе, представляющее собою націю. Въ этой борьбѣ между силой и правомъ или, если хотите, между прошлымъ и настоящимъ, политикой statu quo и политикой эволюціи, *дѣло права казалось заранѣе проиграннымъ.* Стоило только двинуть эти полки чужестранныхъ наемниковъ, заключить въ тюрьму вождей Собранія, а остальныхъ разослать по ихъ провинціямъ. Какое сопротивленіе могли бы оказать депутаты? *Римскія позы, историческія фразы не отклонили бы штыковъ.*

Безъ сомнѣнія, распущеніе Собранія не встрѣтило бы одобренія со стороны Франціи, а это одобреніе было необходимо королевской власти, чтобы получить деньги, которыхъ она не имѣла и безъ которыхъ не могла обойтись; безъ сомнѣнія, король былъ бы вынужденъ послѣ созвать другіе генеральные штаты; но все же старый порядокъ продолжалъ бы пока существовать, и *революція была бы отсрочена*.—Чтобы Національное Собраніе вышло изъ этого опаснаго положенія, необходимо было своего рода чудо: *необходимо было, чтобы у него оказалась своя армія, которую оно могло бы противопоставить арміи короля*. Извѣстно, что такое чудо дѣйствительно совершилось въ видѣ самопроизвольнаго вмѣшательства Парижа...—Парижъ возсталъ, какъ одинъ человѣкъ, вооружился, овладѣлъ Бастиліей, организовался въ настоящій укрѣпленный лагерь, составилъ инсуррекціонную коммуну, и король былъ побѣжденъ: ему пришлось покориться, если не искренно, то, во всякомъ случаѣ, вполнѣ; государственный переворотъ не удался. Вся французская исторія измѣнилась вслѣдствіе этого вмѣшательства Парижа, за которымъ послѣдовала вся Франція. „Я не буду разсказывать здѣсь, продолжаетъ Оларъ, ту *муниципальную революцію*, которую вызвало взятіе Бастиліи во Франціи, въ іюлѣ и августѣ 1789 г., сначала въ городахъ, а потомъ и въ деревняхъ. Я замѣчу только, что это былъ капитальный фактъ среди всѣхъ другихъ, подготовившихъ торжество демократіи и провозглашеніе республики во Франціи".

«Положеніе измѣнилось. Вмѣсто Собранія, блокированнаго арміею наемниковъ, явилось Собраніе, защищаемое нѣсколькими милліонами вооруженныхъ французовъ. Вчера оно говорило печальнымъ тономъ оскорбленнаго достоинства и было одушевлено своего рода мужествомъ отчаянія; сегодня оно говоритъ и дѣйствуетъ, какъ верховный повелитель"... („По-

литическая исторія французской революціи", рус. пер., стр. 44, 45, 46 и 47).

Разогнать Національное Собраніе не значило бы, конечно, уничтожить революцію; это значило бы только отсрочить ее. Она бы неизбѣжно пришла въ концѣ концовъ къ побѣдѣ. Гарантіи этого были въ „общественномъ мнѣніи", за которымъ стояли непреоборимые классовые интересы. Но *общественное мнѣніе* для своей побѣды нуждается въ извѣстный моментъ въ организованной силѣ, въ вооруженной рукѣ,— точно такъ же, какъ современное „*правосознаніе*" не удовлетворяется собственнымъ внутреннимъ созерцаніемъ, но требуетъ полиціи, жандармеріи и военной силы. Если общественное мнѣніе непосредственно способно осуществлять государственные перевороты, тогда непонятно, зачѣмъ велась борьба со славянофилами, которые именно хотѣли править страной одной силой мнѣнія. Между мнѣніемъ и властью стоитъ сила. Обычныя либеральныя ссылки на рѣшающую роль общественнаго мнѣнія или слишкомъ много значатъ или ничего не значатъ. Совершенно несомнѣнно, что революціи подготовляются долгимъ процессомъ, въ результатѣ котораго создается революціонное общественное мнѣніе. Но когда необходимыя предварительныя условія имѣются на лицо, общественное мнѣніе должно найти практическій способъ вырвать власть изъ рукъ того правительства, котораго оно уже не признаетъ: общественное мнѣніе должно показать, что оно не безплотно, что у него есть мускулатура.—Говорятъ, что подъ Седаномъ побѣдилъ прусскій народный учитель, а подъ Мукденомъ—японская конституція. И въ томъ и въ другомъ утвержденіи есть нѣкоторая доля правды. Но еслибъ у солдатъ конституціонной Японіи не было прекраснаго снаряженія и вооруженія, а у ихъ полководцевъ—плана кампаніи, побѣдить могла бы даже и русская армія.

Въ революціяхъ 48 г.—въ Австріи, Пруссіи, Италіи—мы видимъ дѣйствіе тѣхъ же факторовъ, но въ другихъ комбинаціяхъ.

Въ Берлинѣ послѣ побѣдоносной для народа уличной борьбы организовалась милиція, войска были удалены королемъ изъ города. Къ власти былъ призванъ либералъ Кампгаузенъ, который превратилъ учредительное собраніе въ палату соглашенія, заранѣе поставивъ ея рѣшеніе въ зависимость отъ согласія короля. Камарилья между тѣмъ дѣятельно готовила государственный переворотъ. Министерства по назначенію короны быстро смѣняли другъ друга въ замѣчательной послѣдовательности. Чѣмъ оппозиціоннѣе становилось настроеніе палаты, тѣмъ болѣе реакціонныхъ министровъ назначалъ король. Кампгаузенъ и за нимъ Ганземанъ были либеральные бюргеры; третьимъ премьеромъ былъ „честный“ генералъ Пфуль, четвертымъ — графъ Бранденбургъ, тупой придворный реакціонеръ въ стилѣ г. Дурново. Бранденбургъ предложилъ собранію, въ интересахъ спокойствія, переѣхать въ городъ Бранденбургъ. Собраніе сперва не согласилось, но ему не давали собираться, и оно переѣхало. Черезъ нѣсколько дней его распустили. Оно декретировало „пассивное сопротивленіе“, что-то въ родѣ „грознаго спокойствія“ г. Струве. Но это ничему не помогло. Созвали новую палату, тоже оппозиціонную, и тоже распустили. Наконецъ, былъ октроированъ безобразный избирательный законъ, существующій въ Пруссіи и по сей день. Побѣды „общественнаго мнѣнія“, какъ видимъ, не такъ просты и не такъ обезпечены.—Тѣ же моменты выступаютъ въ исторіи Австріи. — Общенаціональный парламентъ во Франкфуртѣ войска разогнали, какъ нелегальную сходку школьниковъ.

Какое, въ самомъ дѣлѣ, жалкое представленіе о революціи—будто содержаніе ея состоитъ въ томъ, что съ разныхъ

мѣстъ съѣзжаются 400 человѣкъ, „снимаютъ“ бюрократію и организуютъ новый государственный строй. Такихъ революцій исторія еще не видала. Революціонный парламентъ дѣйствуетъ успѣшно въ той мѣрѣ, въ какой населеніе на мѣстахъ осуществляетъ „захватнымъ путемъ“ новое гражданское устройство и тѣмъ фактически измѣняетъ соотношеніе силъ. Эта тактика революцій, почти инстинктивная, такъ же стара, какъ классовая природа общества. Флоберъ, описывая въ своемъ романѣ „Саламбо“ возстаніе провинцій противъ Карѳагена, не забываетъ кратко, но живописно представить, какъ граждане, „не дожидаясь дальнѣйшаго хода событій, передушили въ баняхъ правителей и чиновниковъ республики, вытащили изъ пещеръ заржавленное оружіе, перековали сошники на мечи“. Это было очень давно. Въ тѣ времена пулеметовъ еще не было, а сановники безъ казаковъ ходили въ общественныя бани.

Самопроизвольное вмѣшательство Парижа и муниципальные перевороты во всей Франціи создали почву для реформаторскихъ работъ Національнаго Собранія; аграрная революція точно такъ же подготовила законодательную отмѣну феодальныхъ отношеній.

„...Рѣшилось ли бы Собраніе, спрашиваетъ Оларъ, захотѣло ли бы оно стереть съ лица земли старый порядокъ?— и отвѣчаетъ: „Это противорѣчило взглядамъ философовъ, которые всѣ высказывались противъ радикальной революціи.

„Оно даже думало *принять мѣры для подавленія частичныхъ возстаній*, которыя, какъ доносили ему, вспыхивали тамъ и сямъ; когда узнало затѣмъ, что эти возстанія оказались повсюду побѣдоносными, и что феодальный строй былъ низвергнутъ.

„*Тогда* это дуновеніе энтузіазма и возмущенія, вышедшее изъ Парижа и поднявшее всю Францію, подняло въ свою

очередь и Собраніе. Въ ночь 4 августа 1789 г., *санкціонируя совершившійся фактъ*, оно провозгласило отмѣну феодальнаго порядка" („Пол. ист...", стр. 47).

Величайшая реформа была, такимъ образомъ, фактически проведена *захватнымъ путемъ*. Политики „Полярной Звѣзды" считаютъ такой методъ недопустимымъ. „Захватное право, вопитъ г. Кауфманъ, есть грабежъ". Онъ думаетъ, что испугаетъ революцію или осрамитъ ее, если подыщетъ для ея методовъ имя въ уложеніи о наказаніяхъ.

Стоитъ оглянуться на пройденный нашей революціей короткій путь, чтобъ увидѣть, что все, чѣмъ мы пользовались, хотя бы временно, по части свободъ, и остатками чего пользуемся сейчасъ—свобода слова, собраній, союзовъ—осуществлялось не иначе, какъ *захватнымъ путемъ*. Правительство совершенно такъ же, какъ и г. Кауфманъ, находило для этихъ дѣйствій уголовную квалификацію. Но никого не смущалъ позоръ уголовщины, наоборотъ, этотъ „грабежъ" публичныхъ правъ казался и кажется всей націи гражданскимъ долгомъ.—Но мѣрило совершенно измѣняется, когда крестьяне, не дожидаясь Государственной Думы, начинаютъ ликвидировать тѣ кабально-крѣпостническія отношенія, въ которыхъ ихъ держатъ помѣщики, опираясь на свое наслѣдственное владѣніе землею, значительная часть которой, къ тому же, *насильственно* исторгнута изъ живого тѣла крестьянскихъ хозяйствъ при проведеніи такъ называемой освободительной реформы — не захватнымъ, но строго „легальнымъ" путемъ. Можно еще оспаривать *политическую цѣлесообразность* тѣхъ методовъ фактической ликвидаціи крѣпостничества, какими пользуются крестьяне, — но просто вопить: *грабежъ!* значитъ лишь обнаруживать полную нищету либеральной мысли, насквозь пропитанной духомъ полицейщины.

Безсиліе откровенное, которое не ищетъ выхода, или безсиліе лицемѣрное, которое пыжится, чтобы явить видъ «грознаго спокойствія»—вотъ чѣмъ оказывается либерализмъ предъ судомъ революціи.

„Новости" прямо говорятъ: некуда итти! ничего не видно! никакая Дума невозможна! — „Русь" говоритъ о невѣрныхъ методахъ „забастовщиковъ", забывая, что до декабрьскихъ событій она сама предлагала организовать *общій* совѣтъ депутатовъ, въ распоряженіи котораго была бы... *угроза* забастовкой. Но если „не помогла" забастовка, то еще меньше могла бы помочь угроза забастовкой. — „Полярная Звѣзда" говоритъ, что нужны спокойствіе и порядокъ, чтобъ дать собраться Думѣ. А дальше? А дальше: если *они* хотятъ стрѣлять, „то необходимо заставить ихъ стрѣлять по Таврическому Дворцу. Въ такомъ случаѣ все будетъ ясно". (№ 6, 382). Какъ будто и такъ не все уже ясно!.. По Таврическому Дворцу стрѣлять не къ чему: просто семеновцы займутъ залъ засѣданій, и барабанный бой помѣшаетъ даже стенографамъ записать превосходные протесты во имя права и верховныхъ правъ націи.

Отказываясь отъ революціонныхъ методовъ, либерализмъ вспарываетъ себѣ животъ у порога своего врага. Тактика, которую онъ навязываетъ націи, это—*хара-кири*.

IV. Интеллигенція и революція.

1.

Прошло больше года, какъ мы несомнѣнно вступили въ революцію. За это время лозунги неизмѣнно передвигались справа налѣво. Буржуазная оппозиція подбирала лозунги, покинутые буржуазной оппозиціей. Всеобщее избирательное право отъ пролетаріата черезъ интеллигенцію всѣхъ оттѣнковъ перешло къ лѣвому крылу земцевъ. Но это передвиженіе не является безграничнымъ. Можно сказать, что для всякой изъ группъ, входящихъ въ общественное цѣлое, есть свой предѣлъ, который въ своей основѣ опредѣляется ея классовой природой, а въ своихъ колебаніяхъ—политической конъюнктурой.

Съ извѣстнаго момента процессъ усложняется: по мѣрѣ того, какъ революція передвигаетъ свои лозунги влѣво, справа откалываются отъ нея, слой за слоемъ, имущіе классы; и въ то же время ходомъ дальнѣйшаго развитія революціи поднимаются съ общественныхъ низовъ самыя загнанныя и затравленныя соціальныя группы, вовлекаются въ общій потокъ, расширяя этимъ его русло, и уносятся впередъ. Революція расширяется внизу и сужается наверху. Такимъ образомъ, *поступательно демократизируя свои лозунги, рево-*

люція вмѣстѣ съ тѣмъ демократизируется по своему соціальному составу.

Откалыванія справа обыкновенно бываютъ пріурочены къ послѣдовательнымъ уступкамъ правящей реакціи. До первыхъ заявленій о народномъ представительствѣ на сторонѣ правительства стоялъ только „Союзъ русскихъ людей“, организація открыто-реакціонная. Послѣ манифеста 6 августа слагается Партія правового порядка, послѣ манифеста 17 октября—Союзъ 17 октября съ правопорядцами на *правомъ* флангѣ.

Такимъ образомъ, въ борьбѣ съ революціей посредствомъ уступокъ и репрессій, правительство теряетъ всякую поддержку и пріобрѣтаетъ новыхъ активныхъ враговъ *въ низахъ*—въ мѣщанствѣ, крестьянствѣ, арміи, даже въ уличныхъ подонкахъ; но съ другой стороны, оно теряетъ „активныхъ“ враговъ и даже пріобрѣтаетъ друзей въ новыхъ консервативныхъ и антиреволюціонныхъ формаціяхъ вчера еще оппозиціонной буржуазіи. Все это совершается на нашихъ глазахъ.

Развитіе стачечнаго движенія въ самодержавной Россіи толкнуло фабрикантовъ на путь конституціонализма, такъ какъ „правопорядокъ“ представился капиталу единственной гарантіей „мирнаго хода промышленной жизни“. Это неоднократно заявляли сами промышленники и инженеры. Но, дальнѣйшій ростъ рабочаго движенія и повышеніе его требованій оттолкнули капиталистовъ отъ „освободительнаго движенія“ и превратили ихъ въ опору порядка quand-même. Поведеніе московской городской думы, недавно столь оппозиціонной, а нынѣ гучковско-дубасовской, поясняетъ это безъ дальнихъ словъ.

Крестьянское движеніе произвело такое же воздѣйствіе на помѣщичій либерализмъ. О сколько-нибудь активной оппозиціонной роли *земствъ* теперь говорить совершенно не приходится.

Эти политическія перемѣны соотвѣтственнымъ образомъ преломившись, сказались въ отношеніяхъ между профессурой

и студенчествомъ. Неутомимость и непримиримость студенческой борьбы выбила наши ученыя корпораціи изъ позиціи закоренѣлаго холопства. Профессора примкнули къ оппозиціонному движенію, какъ къ средству создать нормальныя условія учебной и научной дѣятельности. Но такъ какъ студенчество пошло дальше, расширило свои задачи и связало свои дѣйствія съ дѣйствіями рабочихъ массъ, то „порядокъ" въ университетахъ такъ и не наступилъ. И теперь снова раздается временно умолкшая проповѣдь о томъ, что университетъ созданъ для науки, а не для политики. Профессура, этотъ наиболѣе тяжеловѣсный и косный отрядъ интеллигенціи, становится снова антиреволюціонной силой.

Каждый новый этапъ революціи ставитъ на испытаніе вѣрность слѣдующей по очереди группы буржуазныхъ классовъ. Правда, такъ какъ революція—сложная комбинація движеній и контръ-движеній, то иногда слои, которые вотъ-вотъ готовы были успокоиться, снова приходятъ въ броженіе: излишнія безчинства реакціи нарушаютъ правильность политическихъ отложеній и задерживаютъ консолидированіе консервативнаго блока. Но, въ общемъ, его образованіе наверху идетъ такъ же неудержимо, какъ революціонизированіе темныхъ массъ, вплоть до вчерашнихъ черныхъ сотенъ, внизу. Во всякомъ случаѣ представители землевладѣнія и торгово-промышленнаго капитала представляютъ теперь силу совершенно и открыто антиреволюціонную.

Событія революціи послѣ 17 октября поставили на очередь вопросъ о дальнѣйшей роли демократической интеллигенціи: отколется ли она отъ революціи и, если отколется, то въ какомъ объемѣ? или же пойдетъ впередъ и, если пойдетъ, то до какого этапа?

Интеллигенція можетъ облегчить ходъ революціи и можетъ поставить ему серьзныя затрудненія, но поведеніе ин-

теллигенціи не можетъ, однако, имѣть *рѣшающаго* значенія. Это опредѣляется всѣмъ характеромъ нашей революціи.

Въ Великой Французской Революціи руководящую роль съ начала до конца играла буржуазія, въ лицѣ различныхъ своихъ фракцій. Якобинцы, это—интеллигенція, лѣвое крыло буржуазіи, адвокаты, журналисты. За ними идетъ „народъ". Фейльяны (монархисты-конституціоналисты), жирондисты, якобинцы — таковы политическія группировки буржуазіи и вмѣстѣ съ тѣмъ этапы Великой Революціи. Сперва господствуетъ партія Мирабо,—и онъ презрительно кричитъ демократамъ: „молчать, тридцать!" Но революція идетъ впередъ и превращаетъ конституціоналистовъ въ консервативную силу и передаетъ власть жирондистамъ. А затѣмъ, черезъ политическій трупъ Жиронды, переходятъ къ власти якобинцы. Въ буржуазіи еще столько политической энергіи, что каждая изъ ея фракцій оказывается способной, хотя на время, овладѣть кормиломъ революціи.

Въ 48 г. буржуазія ужъ не способна вести за собой народъ. Революція толкаетъ ее впередъ, но она упирается. Страхъ предъ пролетаріатомъ, революціоннымъ по инстинкту, дѣлаетъ ее консервативною послѣ первыхъ успѣховъ народа. Буржуазія отдаетъ неорганизованныя массы въ жертву старымъ усмирителямъ и тѣмъ сразу доставляетъ торжество контръ-революціи. И это не только капиталистическая буржуазія, которая и въ 1789—93 гг. не играла революціонной роли, но и „демократическая" интеллигенція. Она не осмѣливается выступить во главѣ рабочихъ массъ вопреки настроенію и волѣ имущей буржуазіи, съ которой она связана всѣми условіями своего существованія.—Только въ Вѣнѣ студенчество, наиболѣе независимая и чуткая часть интеллигенціи, проявляетъ готовность взять на себя руководство революціей. Вѣнское студенчество опирается на массы, въ осо-

бенности на предмѣстья; въ его рукахъ—большая сила. Но оно молодо, неопытно и, сверхъ всего, боится все же порвать со старшимъ поколѣніемъ (профессорами, адвокатами, журналистами) и оказаться въ одиночествѣ. Подъ вліяніемъ справа студенчество послѣ побѣды вѣнскихъ возстаній проявляетъ нерѣшительность и колебанія, проповѣдуетъ рабочимъ порядокъ и спокойствіе, вмѣсто того, чтобы организовать, вооружать и вести ихъ впередъ. Вѣна становится жертвой побѣдоносной реакціи.

Въ Россіи классовыя противорѣчія внутри буржуазной націи гораздо глубже не только, чѣмъ во Франціи конца XVIII в., но и въ Пруссіи или Австріи середины XIX в. Капиталистическое развитіе зашло гораздо дальше, крупная индустрія создала громадные города. Это порождаетъ несравненно болѣе рѣзкую политическую дифференціацію. Французская буржуазія руководила революціей и олицетворяла націю. Прусская и австрійская буржуазія уже не осмѣлилась представлять націю; она представляла только свой классовый эгоизмъ. Единственной буржуазной группой, которой удалось до извѣстной степени сосредоточить на себѣ революціонныя ожиданія массъ, было, какъ мы сказали, вѣнское студенчество. Въ Россіи ни одна изъ фракцій буржуазіи не руководить революціей. Наиболѣе независимая и самоотверженная часть интеллигенціи, студенчество оказалось во главѣ событій лишь во время первыхъ революціонныхъ выступленій 1899—1901 гг. Но со времени ростовской стачки 1902 г., и особенно послѣ 9 января 1905 г. руководящая роль перешла и переходитъ къ рабочимъ. Если въ октябрьскомъ возстаніи въ Харьковѣ центромъ дѣйствій былъ университетъ, то въ декабрѣ генеральной квартирой революціи является заводъ Гельфериха-Саде.

Старыя революціи не знали ничего подобнаго нынѣшнимъ огромнымъ промышленнымъ центрамъ съ этими пролетар-

скими массами, собранными на колоссальныхъ заводахъ и фабрикахъ. Желѣзная дорога и телеграфъ, придающіе такое могучее единство революціоннымъ выступленіямъ, не были извѣстны старымъ революціямъ.

Болѣе высокой соціальной природѣ россійскаго пролетаріата соотвѣтствуетъ несравненно болѣе высокій политическій уровень. Нашъ пролетаріатъ, какъ небо отъ земли, отличается не только отъ парижскихъ подмастерьевъ эпохи Марата, но и рабочихъ Берлина и Вѣны 48 г. Верхній слой рабочихъ прошелъ сквозь школу серьезной соціалистической пропаганды, весь пролетаріатъ имѣетъ крѣпкіе навыки солидарныхъ дѣйствій, пріобрѣтенные въ испытаніяхъ стачечной и уличной борьбы, обладаетъ выдающейся энергіей и чувствомъ политической чести, которыя ставятъ его вровень съ его европейскими собратьями. Въ революціи недѣли идутъ за годы, и это прежде всего сказывается въ дѣлѣ политическаго воспитанія рабочихъ массъ. Октябрьская стачка, поразившая весь міръ, тѣмъ рѣшительнѣе свидѣтельствуетъ о замѣчательныхъ боевыхъ силахъ и качествахъ русскаго пролетаріата, чѣмъ несовершеннѣе была техника его организацій.

О политической гегемоніи какой-либо изъ фракцій буржуазіи надъ русскимъ пролетаріатомъ уже не можетъ быть и рѣчи. Если-бъ вся соціалдемократическая интеллигенція въ одинъ и тотъ же день перешла въ ряды конституціоналистовъ-демократовъ и стала звать туда же пролетаріатъ, ея призывъ не имѣлъ бы никакого успѣха: въ рабочихъ только обострилось бы ихъ недовѣріе къ буржуазной интеллигенціи. Въ организаціи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ пролетаріатъ обнаружилъ удивительную *классовую самодѣятельность*. Съ классовой позиціи его уже не сдвинетъ никакая сила въ мірѣ. И это краеугольный фактъ, который долженъ быть положенъ въ основу всѣхъ политическихъ разсчетовъ.

Имущая буржуазія превращается на нашихъ глазахъ въ антиреволюціонную силу прежде, чѣмъ удовлетворены самыя элементарныя потребности буржуазнаго общества.

Въ *крестьянствѣ*—большой запасъ стихійной революціонной энергіи, но руководящей роли оно на себя взять не можетъ. Овладѣть крестьянствомъ не можетъ также никакая партія, которая не играетъ руководящей роли на главной революціонной территоріи—въ городахъ *).

Интеллигенція *сама по себѣ* не представляетъ политической силы. Ея значеніе опредѣляется отношеніемъ къ ней революціонныхъ классъ; это показалъ ясно послѣдній годъ. „Союзъ союзовъ", который мечталъ объединить вокругъ себя революцію, сметенъ ею и не играетъ никакой роли. Конституціонно-демократическая партія представляетъ собою коалицію лѣвыхъ элементовъ земской и торгово-промышленной буржуазіи и правыхъ элементовъ интеллигенціи, бывшихъ освобожденцевъ. Эта партія не столько оттягиваетъ буржуазію отъ открыто-консервативнаго Союза 17 октября, сколько привязываетъ интеллигенцію къ консервативной буржуазіи. О гегемоніи либеральныхъ „кадетовъ" надъ революціей думать не приходится; они сами объ этомъ не думаютъ. Болѣе радикальная, но „непартійная" интеллигенція разсѣяна тамъ и здѣсь, недовольна всѣми справа, недовольна собою, сомнѣвается въ тѣхъ, кто слѣва, особенно въ моментъ пониженія революціонной волны. Попытки организовать самостоятельную радикальную партію ни къ чему не поведутъ. Изъ кого она будетъ состоять? Изъ группы интеллигентовъ, которые и такъ знаютъ другъ друга въ лицо. Радикальная партія, это „Союзъ союзовъ" минусъ всѣ тѣ элементы, которые ушли къ к.-д., къ с.-д. и къ с.-р. Это ничтожная дробь.

---

*) См. объ этомъ «Предисловіе» Н. Троцкаго къ «Гражданской войнѣ во Франціи», изд. «Молота».

Студенчество неизмѣнно признаетъ надъ собой руководство „крайнихъ партій“, главнымъ образомъ, соціалдемократіи.

Таково сейчасъ положеніе. Въ какую сторону идетъ дальнѣйшее развитіе?

Городская мелкота чѣмъ дальше, тѣмъ больше переходитъ на сторону революціи. Московское возстаніе показало это всѣмъ, а расправа надъ Москвою только ускорила этотъ неизбѣжный процессъ. Правительственная артиллерія разрушаетъ послѣднія остатки охотно-рядскаго патріотизма. Черныя сотни не сплачиваются подъ вліяніемъ революціи, но размываются ею.—Что аграрная революція только еще начинается, что крестьянство очень далеко отъ того, чтобы стать силой порядка, это для правящей реакціи и для помѣщичьяго либерализма такъ же очевидно, какъ и для насъ. Что пролетаріатъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова, въ этомъ не сомнѣвается никто. Вопреки либеральнымъ утвержденіямъ, будто „революціонная тактика исчерпала себя и истощила массы“, дѣйствительность говоритъ, что объемъ революціонной массы и ея агрессивность находятся въ состояніи непрерывнаго роста.

Если о чемъ возникаетъ вопросъ, такъ это о томъ положеніи, которое займетъ теперь по отношенію къ революціи промежуточный слой интеллигенціи: съ консервативно-буржуазнымъ блокомъ или съ демократической націей, сплачивающейся вокругъ пролетаріата?

Этотъ обыкновенный вопросъ, поставленный революціей г. Струве положилъ въ основу своего журнала. *Куда итти интеллигенціи?*

Струве знаетъ, что „тѣмъ русскимъ политическимъ дѣятелямъ, у которыхъ развито чувство политической отвѣтственности, трудно получить доступъ къ умамъ и сердцамъ народ-

ныхъ массъ". Гг. Родичевы, Милюковы и Струве слишкомъ отяжелѣли, чтобы искать путей къ народу, но —„намъ необходимы *голоса* (!) рабочихъ массъ", какъ говорятъ г. Кауфманъ. Отсюда для конституціоналистовъ-демократовъ естественно вытекаетъ задача: оторвать идейную интеллигенцію отъ революціи и превратить ее въ аппаратъ воздѣйствія на революціонныя массы „Революціонная интеллигенція, пишетъ Струве, должна въ настоящее время— во имя революціи!— итти въ народъ съ *проповѣдью порядка*" (№ 7, стр. 447, курс. автора). И „*самая важная задача* организованныхъ демократическихъ группъ и ихъ прессы заключается въ томъ, чтобы убѣдить *всю русскую идейную интеллигенцію* стать на эту точку зрѣнія и такимъ образомъ тактически дисциплинировать и организовать ее для организаціонной работы въ народныхъ массахъ" (№ 7, стр. 445, курс. наши).

Оторвать интеллигенцію отъ революціи, подчинить интеллигенцію эгоистическимъ интересамъ буржуазіи, изолировать пролетаріатъ, обезсилить борющійся народъ —вотъ политическая задача, надъ выполненіемъ которой работаютъ г. Петръ Струве и его соратники. Конституціонно-демократическая партія, и особенно ея идеалистическое крыло, представляетъ собою золотой мостъ для отступленія идейной интеллигенціи съ отвѣтственныхъ боевыхъ позицій въ лагерь такъ называемаго порядка. Это отступленіе всемѣрно облегчается. Интеллигенціи въ рядахъ партіи разрѣшается желать одной палаты; за земцами оставлено право на двѣ палаты. Для интеллигенціи имѣется рѣшеніе противъ „органической работы" въ Думѣ; для земцевъ есть истолкованіе, что это рѣшеніе ничего не означаетъ. Дѣло не въ „формулахъ!" Только бы „*дисциплинировать* интеллигенцію!"—а тамъ ужъ эластичная программа получитъ такое значеніе, какое ей захочетъ придать близорукій эгоизмъ буржуазіи.

Но, увы!—„надъ партіей тяготѣетъ злой рокъ", какъ справедливо сказалъ выступившій изъ партіи кн. Е. Трубецкой. Этотъ злой рокъ—не что иное, какъ революціонный характеръ эпохи. Партія теряетъ отъ успѣховъ революціи такъ же, какъ отъ ея пораженій. Когда народъ дѣйствуетъ побѣдоносно, отъ лѣваго крыла партіи отрываются наиболѣе демократическіе элементы. Когда торжествуетъ реакція, начинается откалываніе на правомъ крылѣ. Въ октябрѣ ушла изъ партіи, жалуется Струве, „живая и богатая силами петербургская группа освобожденцевъ"; въ январѣ ушелъ кн. Евг. Трубецкой.

Надъ политикой, которая хочетъ словами отдѣлаться отъ фактовъ и двусмысленными выраженіями устранить зіяющія противорѣчія, нѣтъ благословенія исторіи. И, однако же, эта политика—высшее, что даетъ намъ буржуазный либерализмъ; *высшее*—потому что „Полярная Звѣзда" *сознаетъ* и формулируетъ тѣ антиреволюціонныя задачи, которымъ остальные либеральные органы служатъ на половину *безсознательно*. Конечно, въ либеральной печати, которой полиція Дурново доставила теперь монополію руководства общественнымъ мнѣніемъ, есть болѣе и менѣе умѣренные элементы. Но *вся они*, во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ, вливаютъ въ общественное сознаніе отраву пассивности и ведутъ пропаганду политики хара-кири.

Отъ всей души мы презираемъ эту либеральную печать,—и наше презрѣніе къ ней мы *черезъ всѣ преграды* несемъ въ народныя массы. Въ этой работѣ у насъ есть великая поддержка: это—логика событій.

Недалекъ часъ, когда революція размететъ и развѣетъ многое, что теперь строятъ на снѣхъ, пользуясь ея непротивленіемъ,—и первымъ взмахомъ своимъ она отброситъ прочь ту партію либеральнаго маразма, служителемъ и пророкомъ которой является—*господинъ Петръ Струве въ политикѣ*.

С.-Петербургъ, 8 февраля.

3 2044 024 152 050